

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Переводческий факультет

Кафедра перевода английского языка

А.И. Убина

Проблема передачи модальности на уровне текста в художественной литературе (на материале перевода с английского языка на русский отрывка из книги А.Дж.А. Саймонса «В поисках Корво»)

Дипломная работа студентки 501 а/нем. группы

Научный руководитель
кандидат филологических наук
доцент Д.В. Псурцев

преподаватель

Рецензент
Старший

Боганьков М.В.

Москва 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ:

<u>Введение</u>	3
<u>Теоретическая часть</u>	5
<u>I Модальность текста</u>	5
<u>II. Проблема уровней модальной оценки в анализируемом тексте</u>	15
<u>III. Анализ оригинала и перевода</u>	19
<u>Анализ примеров I уровня</u>	20
<u>Анализ примеров II уровня</u>	32
<u>Анализ примеров III уровня</u>	40
<u>IV Выводы. Осмысление переводческой стратегии</u>	43
<u>Практическая часть</u>	46
<u>Библиография</u>	87

Введение

Темой дипломной работы является изучение модальности на уровне текста в аспекте перевода. Данная тема представляется актуальной в связи с тем, что в плане переводоведения, в отличие от литературоведения, она является достаточно неразработанной. Модальность текста не исследовалась на уровне соотнесения материалов оригинала и перевода. Также эта тема представляется очень интересной с точки зрения выработки стратегии переводчика.

Материалом для исследования послужил перевод отрывка книги «В поисках Корво» А.Дж.А. Саймонса. Это биография, написанная в форме расследования. Сам А.Дж.А. Саймонс называет свое произведение экспериментом в области биографии. Это первая в своем роде книга, которая стала культовой для тех, кто пытался исследовать личность того или иного писателя, сопоставляя реальную жизнь человека со сложившимися о нем представлениями, и понять, что же было мифом, а что реальностью. А.Дж.А. Саймонс полагал, что любой автор, намеревающийся написать биографию, должен не столько записывать факты жизни человека, сколько раскрывать его личность. И он попытался понять, каким же на самом деле был Фредерик Рольф барон Корво, очень талантливый, неординарный, в чем-то экстравагантный, не вписывающийся в обычные рамки человек. Хотелось бы отметить, что предисловие к этой книге написала известная современная писательница А.С. Байетт, что само по себе говорит о многом. А.С. Байетт пишет, что из этой книги вынесла многое, благодаря ей научилась «создавать романы и думать о человеческих жизнях». Язык книги «В поисках Корво» является не простым, что объясняется как тем, что биография была написана в 1934 г., так и стилем автора. Во многом, лексика, используемая автором, не самого современного обихода, но тем интересней и представлялась работа.

Текст является удобным в плане изучения заданной темы.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, как на разных уровнях языка проявляется оценка и какую в связи с этим стратегию должен выбирать переводчик. Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо решить несколько задач:

1. Рассмотреть проблему модальности текста, указать, как и на каких уровнях она проявляется.
2. Более подробно остановиться на проблеме нескольких уровней модальной оценки
3. Проанализировать оригинал и перевод
4. Выработать переводческую стратегию

Структура работы следующая: в начале вырабатывается общее понятие модальности текста, затем рассматривается проблема нескольких уровней оценки, далее проводится анализ оригинала и перевода, и, наконец, определяется, правильно ли была выбрана переводческая стратегия. В конце прилагается перевод.

Теоретическая часть

I Модальность текста

Прежде всего, следует дать определение понятию текста, так как именно от этого определения зависит и подход к такой текстообразующей категории, как модальность. В качестве базового для настоящей работы выбрано определение текста, данное И.Р. Гальпериным: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объектированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 18).

В этом определении существенно то, что текст не рассматривается как простая последовательность предложений. Текст – это образование иного, более высокого уровня, не сводимое к сумме составляющих. Учет качественного своеобразия такого явления, как текст, позволяет ответить на вопрос о том, является ли текстовая модальность суммой модальностей предложений, входящих в его состав. По всей вероятности, нет. Но это не значит, что понятие модальности текста сразу же становится четким и недвусмысленным. В этой связи интересным является мнение Роджера Фаулера, который полагал, что поскольку теория модальности предложения не разработана в достаточной степени полно, мы не можем обратиться к ней за разъяснениями, разрабатывая подобную теорию применительно к тексту (Фаулер, 140). В результате существующие подходы к изучению модальности текста отличаются огромным разнообразием, ничуть не

меньшим, чем то, которое существует в сфере исследования модальности предложения. Рассмотрим некоторые подходы.

В лингвистической литературе понимание модальности неоднозначно: оно объединяет различные определения и толкования. Параллельно сосуществуют самые разнообразные исследования: от традиционного изучения модального значения различных единиц языка до содержательной разработки модальности текста. На многообразие воззрений и важность изучения модальности указывает М.Н. Кожина: «Особое положение занимает категория модальности (особенно при включении в нее субъективной модальности). Она – и собственно (узко) языковая категория, то есть проявляющаяся в модели языка, так сказать, дотекстового уровня, то есть чисто грамматическая модальность» (Кожина, 101). Но модальность – и текстовая категория, называемая в кругу текстовых категорий И.Р. Гальпериным. Ее можно включить и в список функциональных семантико-стилистических категорий. Дело здесь, вероятно, не столько в многоаспектности самой категории (хотя налицо эта ее сторона), сколько в различных подходах к ней со стороны разных исследователей.

Изучение модальности в отечественной лингвистической традиции заложено в трудах В.В. Виноградова, причислившего эту категорию к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах «обнаруживающихся в языках разных систем». Вот как определяет модальность В.В. Виноградов, уделявший в своих работах этой теме большое внимание: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности». (Виноградов, 53) Отражение в речи объективной действительности, а также участие субъекта речи в этом

процессе и определяет сущность модальности, которую в самом общем виде можно представить как выражение субъективного и объективного в языке.

В.З. Панфилов, рассматривая категорию модальности на уровне предложения в тесной связи с анализом логической категории модальности и суждения, выделяет два типа модальных значений: объективную модальность и субъективную модальность, при этом объективная модальность «отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно, связи возможные, действительные и необходимые». Субъективная модальность «выражает оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию». (Панфилов, 75)

Как видно из приведенных выше определений модальности, одним из основных аспектов дифференциации этой категории в отечественном языкознании является противопоставление объективной и субъективной модальности. Объективную модальность, выражающую отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и потенциальности, считают одним из обязательных признаков высказывания. Объективное в речи вытекает из объективных свойств объекта или явления объективной действительности, а также обусловлено объективными характеристиками субъекта как представителя некоего социума, так как «многие жизненные отношения совпадают у больших групп людей или даже у всего человечества в меру общности тех или иных объективных характеристик». Объективная модальность отражает объективные связи реальной действительности, независимый от акта общения денотат – факт или явление объективной действительности.

В содержательном плане значение объективной модальности традиционно ограничивается тремя характеристиками и их разновидностями: возможности, необходимости и реальности существования какого-либо факта объективной действительности. Семантической основой субъективной модальности считают оценку, которая характеризуется разнообразием значений и их оттенков. В связи с возросшим интересом к проблеме субъективной модальности происходит постоянное расширение ее объема за счет включения в нее новых значений.

В семантический объем субъективной модальности разными исследователями включаются различные значения: абсолютной и сравнительной оценки, экспрессивно-эмоциональной оценки, значения запретного и разрешенного, желательного и нежелательного, известного и неизвестного, значение истинности/ложности, утверждения/отрицания, потенциальности/целенаправленности, категоричности некатегоричности, возможного/невозможного и т.д.

Как отмечает А.В. Бондарко, модальность — это комплексная категория, имеющая в своем распоряжении синтаксические, морфологические и лексические средства выражения. (Бондарко, 136)

Многие авторы сходятся в том, что адекватный семантический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, в коммуникации, высшей единицей которой является текст. Именно в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате синтеза и взаимодействия которых возникает модальный смысл текста, представляющий собой сложное явление, не равное простой сумме модальных значений единиц, составляющих текст.

Модальность в художественных текстах рассматривается как «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах, отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений

объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе отражения между явлениями в тексте». (Донскова, 28) В текстах художественной коммуникации модальная направленность определяется художественным мировоззрением автора, его эстетическим кредо, отношением к окружающей действительности. «Модальность выявляется в процессе интеграции частей и способов их сцепления, в характере предикативных и релятивных отрезков текста...» (Донскова, 187) Модальность также рассматривается как часть прагматики художественного текста, в основе которого лежат субъективно-модальные смыслы одобрения/неодобрения.

И.Р. Гальперин: «Текстовая модальность присуща целому. Она окрашивает отдельные высказывания только для того, чтобы подготовить читателя к восприятию субъективно-модального значения этого целого». (Гальперин, 116) Это положение очень важно для выработки переводческой стратегии, а значит, и для создания адекватного перевода. Переводчик должен попытаться передать различные оттенки оценок как можно точнее, хотя это, конечно, не исключает некоторых потерь. Необходимо помнить, что текстовая модальность проявляется на разных уровнях. В процессе перевода переводчик, следуя выработанной стратегии, может на каком-то уровне делать опущения, а на другом обязательно это компенсировать для выражения «общей» нужной текстовой модальности.

Семантическую основу категории модальности составляют: предметная модальность, представляющая отраженную в тексте авторскую модель действительности, и оценочная модальность, модифицирующая предметную модальность дополнительными качественно-оценочными характеристиками сообщаемого в тексте.

Предметный аспект текстовой модальности, передающий соотношение между текстовым содержанием и реальной действительностью с точки зрения автора, несет в себе определенную

информацию о предмете, ситуации реальной действительности: все слова в тексте, все предложения, как и текст в целом, актуализированы. Они выступают не как словарные лексемы и гипотетические синтаксические конструкторы, а как означающие конкретные предметы и реальные высказывания о конкретных фактах и ситуациях. Отнесенность к действительности, или актуализация, является необходимым свойством всякого текста.

Соотношение субъективного и объективного в модальности текста.

Проявление субъективного и объективного в модальности текста трактуется в лингвистике весьма неоднозначно. Например, И.Р. Гальперин именно субъективную модальность разделил на фразовую и текстовую, считая, что «из двух видов модальности – объективной и субъективной – первая вообще не свойственна художественному тексту. Более того, объективное значение чаще всего ограничивается только предложением. Ведь отношения реальность/ирреальность в художественных текстах вообще снимается, поскольку художественные произведения дают только изображенную реальность». (Гальперин, 117)

В работах по текстовой модальности последних лет исследователи пытаются показать, что субъективное и объективное – неотъемлемые составляющие текстовой модальности, степень проявления которых зависит от ряда факторов, основным из которых является фактор стиля/жанра текста. В тех жанрах текстов, которые являются непосредственно «привязанными» к действительности, к предмету, факту или явлению объективного мира (например, научно-технические тексты, тексты некоторых жанров деловых документов, некоторые жанры газетных сообщений), объективное выступает достаточно весомо, и авторы текстов пытаются это подчеркнуть, подавая информацию в безличной форме. Однако уже сам выбор объекта для описания и

определенный ракурс рассмотрения этого объекта в тексте говорят об относительности объективности.

Таким образом, соотношение субъективного и объективного в модальности представляется следующим: объективное как общее, общезыковое, общенациональное; субъективное – как частное, принадлежащее конкретному акту коммуникации, личностное или авторское.

На уровне текста модальность можно рассматривать как категорию, в которой объективное и субъективное принципиально неразделимы. Эти категории взаимосвязаны, существование одной невозможно без другой, и служат они передаче различных планов отношений.

Средства и способы реализации текстовой модальности.

Перейдем к рассмотрению формальных показателей текстовой модальности. Вопрос о способах выражения модальности текста весьма сложен и неоднозначен. С выражением модальных значений в тексте связано взаимодействие многих языковых средств различных уровней: от морфологических до синтаксических. Эти средства языка группируются в тексте в функционально-семантические поля модальности, которую многие лингвисты относят, соответственно, к полевым категориям.

«В плане выражения полевая категория представляет собой совокупность единиц различных языковых уровней, объединенных общностью семантики и текстовой функцией, а также способом организации языковых составляющих. Переменными полевыми категориями текста являются следующие: набор языковых составляющих по уровневой принадлежности, стилистической маркированности, характеру выражения категориально-текстовой семантики; состав ядра и

периферии на основании признаков непосредственного/опосредованного выражения категориальной семантики, а также плотности однотипных языковых единиц в тексте; взаиморасположение (комбинаторика) языковых составляющих, в том числе наличие конструктивных приемов их сочетания; размещение языковых составляющих в тексте относительно композиционных частей». (Максимова, 39)

В языке перевода нужно пытаться сохранить именно поля модальности. Возможно, в каких-то случаях переводчику не удастся передать в точности оригинал, но тогда уже в другом месте в рамках того же поля следует компенсировать потерю. Причем компенсация может осуществляться не обязательно на одном уровне и в пределах одного абзаца.

Следует также помнить, что в художественном тексте модальность реализуется в «характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» (Гальперин, 115).

«Однако модальность распределяется неодинаково в различных частях текста. Это зависит от многих факторов, в том числе от индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагмаустановки текста, от эксплицитности/ имплицитности выраженности оценки, концентрированности/ диффузности, интенсивности/ослабленности оценки автора. Вполне возможно, в тексте существуют сильные и слабые позиции модальности, распределение которых связано в тексте с его членением». (Максимова, 40)

Перечислить все средства и приемы, актуализирующие модальность в тексте, вероятно, невозможно, так как в конкретном тексте может произойти эмоциональная, образная, эстетическая и др. трансформации любых языковых единиц, которые в зависимости от намерения автора и контекста могут стать модальными, то есть выражать

авторское отношение, оценку. Значительную роль в формировании модальности текста, по мнению И.Р. Гальперина, играет система стилистических приемов литературной обработки, в особенности средства образности, эпитеты, повторы и др.

В этой связи следует упомянуть, что усиление оценочности часто является речевым явлением и может достигаться различными способами: стилистическими приемами, экспрессивными (образными, эмоциональными, логическими, интенсивными) средствами.

Наконец, следует заметить, что в лингвистике принято подразделять средства модальности текста на эксплицитные и имплицитные, к эксплицитным относятся единицы всех уровней, имеющие в своем составе модальную сему. Что касается имплицитных средств, то они варьируются в зависимости от типа текста, но вне зависимости от стилистической специфики текста к ним можно отнести такие текстовые параметры, как способ изложения, выбор объекта для описания в тексте, а также контекст.

II. Проблема уровней модальной оценки в анализируемом тексте.

И.Р. Гальперин писал: «Создавая воображаемый мир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру. Представляя его как реальный, он в зависимости от своего метода художественной изобразительности либо прямо, либо косвенно выражает свое отношение к изображаемому». (Гальперин, 123) Субъективно-оценочная модальность с наибольшей очевидностью проявляется в тех произведениях, где просвечивается личность автора: «коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин – индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Этот коэффициент тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях». (Гальперин, 118).

В художественном тексте происходит языковое воплощение личности писателя. Очень редко позиция автора выражается в открытой форме лирических отступлений, связывающих предшествующий фрагмент текста с последующим. Чаще позиция автора скрыта, проявляется в тех или иных формах, приемах, в том числе и в организации структуры произведения.

«Соотношение «автор – герой» является важнейшей категорией творческого процесса. Для того чтобы художнику найти идею произведения адекватную форму, ему необходимо занять определенную позицию по отношению ко всем внутритекстовым субъектам данного произведения. Категория «автор – герой» представляет собой внутреннюю организующую форму творческого процесса, в которой заключены отношения, структурирующие повествование». (Попова, 74)

Точка зрения говорящего – это авторская позиция, направляющая повествование и – благодаря варьированию субъектно-речевыми сферами ипостасей образа автора – представленная как «картина событий или сцена, увиденная глазами одного персонажа, или описание состояния действующего лица, но данное «изнутри» им самим либо через восприятие другого, или же фиксация событий и состояний третьим лицом (наблюдателем.... автором) и т.д. (там же, 88).

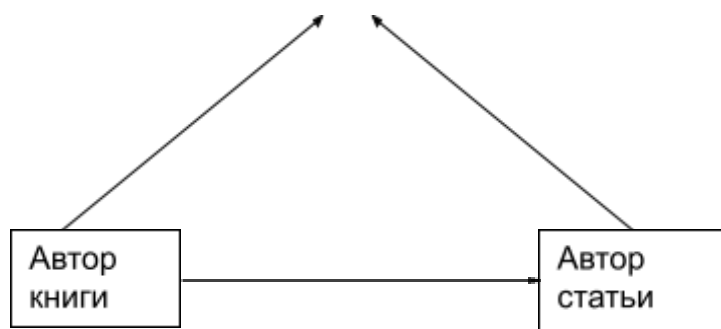
В этом контексте уместно говорить и об оценке. Оценка является, по мнению, Н.Д. Арутюновой, наиболее ярким представителем прагматического значения. (Арутюнова, 5) В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дается следующее определение оценки. Оценка – это суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации. (О.С. Ахманова, 305).

Для языкового значения оценки представление о человеке выступает в качестве точки отсчета: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» (Арутюнова, 5). Именно это представление обеспечивает широкий подход к оценке как понятию субъективного отношения говорящего к любому предмету речи при всем многообразии аспектов этого отношения – эмоционального, модального, количественного, временного, пространственного. Всеобъемлющий характер оценки влияет и на выбор языкового знака – «всякая вербализация – в известном смысле уже оценка» (Маркелова, 17). При таком подходе оценка имеет характер взгляда, точки зрения, что глобализирует ее смысл, оправдывает «вездесущность», реализуемую единицами фонетико-интонационного, лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней

языка в условиях их специфической речевой реализации. Однако многообразие средств и многоаспектность отношений обуславливают нечеткость границ этой категории, лишают ее самостоятельного языкового статуса.

Структура выбранного нами отрывка очень интересна именно с точки зрения всех этих проблем. А.Дж.А. Саймонс публикует в своей книге статьи и письма о Фредерике Рольфе бароне Корво, описывает беседы, которые он вел с различными людьми о своем герое. Важной частью этого отрывка является критическая статья анонимного автора о Рольфе. Автор книги приводит ее почти полностью. Ранее эта статья, опубликованная в газете «Абердин Фри Пресс», имела определенную прагматику, и совсем не трудно догадаться, какое воздействие она оказывала на читателей. Воспроизведенная же в книге, она приобретает уже иную прагматику, отвечая замыслу книги. Статья очень резкая, полна нападок и так сильно отличается от тона повествования всей книги, что читатель статьи как части книги либо подвергает сомнению слова автора статьи, либо совсем им не верит. Возникает своеобразный эффект. Слова, направленные в первоначальной прагматике против Рольфа, во вторичной прагматике работают на него.

Необходимо отметить, что в этом тексте прослеживается несколько уровней оценок, которые можно изобразить в виде следующей схемы. В левом углу основания треугольника находится автор книги, который выражает определенное отношение к своему герою (вершина треугольника) и к автору статьи (правый угол треугольника). Автор статьи также имеет свое мнение о герое, что мы и показываем стрелкой, направленной к вершине треугольника. Становится ясно, что в книге просматривается три плана отношений, три точки зрения, три поля модальности.

Выявление трех планов отношений очень важно для выработки переводческой стратегии. Эти планы отношений как бы очерчивают поля модальности, которые нужно передать в переводе. Задача переводчика в данном случае заключается не только в том, чтобы передать смысл, но и в том, чтобы точно передать все планы отношений в книге, конечно, с учетом культуры переводящего языка.

III. Анализ оригинала и перевода

Хотелось бы подчеркнуть, что для выражения текстовой модальности автор использует большое многообразие средств. Проанализируем оригинал и перевод по уровням модальной оценки (первый уровень – отношение автора книги к Рольфу, второй уровень – отношение автора статьи к Рольфу, третий уровень – отношение автора книги к автору статьи) и попытаемся определить, какие способы выражения модальности являются более/менее частотными и наиболее выразительными.

Изучив наиболее яркие примеры, получаем следующую картину. Самым ярким средством выражения модальности на уровне текста является эпитет, несмотря на то, что, по мнению И.Р. Гальперина, эпитет «играет весьма незначительную роль в тексте, поскольку в силу своей синтаксически обусловленной функции атрибута характеризует лишь тот объект, к которому относится» (Гальперин, 116). Как нам кажется, в анализируемом отрывке эпитет окрашивает зону, в которой он используется. Эпитеты, соединяясь друг с другом, а также связываясь своими контекстами, образуют систему, и это доказывает то, что эпитет является одним из важнейших средств выражения текстовой модальности. В процентном соотношении 37% всех средств приходится на эпитеты, причем практически 90% из них использованы на первом уровне. Довольно частотными приемами являются перифраза и ирония, на них приходится 16%, ирония используется в основном на втором уровне. 53% средств составляют параллельные конструкции, инверсия, литота, оксюморон. На втором и третьем уровнях явное преобладание того или иного приема определить довольно трудно.

Анализ примеров I уровня

Проанализируем примеры *I уровня*, демонстрирующие отношение автора книги к Рольфу. Необходимо отметить, что автор относится к своему герою с симпатией и сочувствием, и это очень важно для выработки переводческой стратегии. На этом уровне самым часто используемым приемом является эпитет, хотя и другие средства для передачи текстовой модальности тоже используются. По мнению Л.А. Турсуновой, «эпитет – определение существительного с обязательным наличием стилистического значения». Важным является и то, что эпитет, даже если он называет признак, органически присущий предмету, всегда привносит индивидуальную оценку автора, отношение к нему, эмоции, испытываемые автором в связи с ним. Кроме того, «эпитет отличается среди всех стилистических приемов особой широтой и богатством содержания, особенно высокой степенью концентрированности информации» (Турсунова, 27) и, возможно, является самым распространенным приемом художественной речи именно поэтому. Функцией эпитета практически во всех случаях, приведенных ниже, является эмоциональная оценка.

Следует помнить, что прилагательные довольно часто представляют серьезные трудности при переводе, что можно объяснить рядом причин. Одной из них является особая сочетаемость английских прилагательных, которая, «благодаря своему национальному своеобразию, не всегда совпадает с сочетаемостью в русском языке из-за различий в семантической структуре». (Левицкая, Фитерман, 118) Другую трудность при переводе некоторых прилагательных создает их эмоциональная окраска, которая «нередко подавляет их предметно-логическое значение и тоже далеко не всегда совпадает» (там же, 118). Переводчику следует исходить не из предметно-логического значения слова, а из его эмоционального значения и искать в русском языке варианты, передающие все оттенки эмоционального значения.

Рассмотрим примеры:

The tale of Rolfe's tribulations¹, self-caused though they largely were, made very melancholy reading.

Первоначальный вариант перевода: Рассказ о невзгодах Рольфа, хотя во многих случаях он сам напрашивался на них, был крайне скучным чтивом.

Окончательный вариант перевода: Рассказ о невзгодах Рольфа (кстати, во многих виноват он был сам) получился довольно грустным.

В первоначальном варианте допущено несколько неточностей, если не сказать ошибок. Во-первых, неправильно переведено слово *melancholy*. Это можно объяснить тем, что на этапе первой редакции переводчица еще не очень хорошо чувствовала текст. Позже, в результате тщательного анализа текста именно в свете выделенных уровней модальной оценки мне стало очевидно, что автор не мог сказать «скучный» по отношению к Рольфу и рассказу о нем.

It was indeed a tragic comedy, more somber and fantastic than I had expected or hoped.

Перевод: То была подлинная трагикомедия, куда более мрачная и невероятная, чем я ожидал.

¹ Несколько слов о переводе слова *tribulation*. Слово *tribulation* имеет высокую окраску, в русском переводчику не удалось найти слово такой же окраски, но он выбрал незатертое слово «невзгоды», которое в полной мере отражает лексическую составляющую слова в оригинале. В первом варианте перевода использовано слово «напрашивался», которое принадлежит к разговорному стилю, и оно очень сильно контрастировало со словом «невзгоды». В рамках одного предложения без видимых на то стилистических причин сталкивать слова столь разных пластов речи не стоит. Кроме того, слово «чтиво» обладает ярко выраженной экспрессивной негативной окраской, оно скорее принадлежит разговорной речи, нежели письменной речи.

Tragic comedy является затертым оксюмороном, переводчица подобрала, как кажется, удачный эпитет, усиливающий слово «трагикомедия». Эпитеты *somber* и *fantastic* очень точно передают чувства и впечатления автора, поскольку используются в паре и хорошо дополняют друг друга.

Obstinate (talent), indeed, as well as obvious.

Первоначальный вариант перевода: талант был очевидным.

Окончательный вариант перевода: (Талантом) Не только бесспорным, но и безудержным.

В первоначальном варианте не передан эпитет *obvious*, а значит, не полностью передан образ. В оригинале мы наблюдаем аллитерацию, поэтому в русском языке можно тоже попытаться ее создать, или по крайней мере перевести двумя эпитетами. По мнению Я. Рецкера, «только экспрессивное использование аллитерации должно передаваться в переводе, причем редко при помощи аллитерации в русском языке». (Рецкер, 77) В этом случае аллитерация в оригинале экспрессивна, поэтому нужно было попытаться.

я ее передать, хотя это и не поэтический текст, в котором передача аллитерации обязательна. Эпитет *obstinate* по отношению к слову *talent* является речевым неассоциированным эпитетом по классификации И.Р. Гальперина. Речевой эпитет – эпитет, не закрепленный в языке, а неассоциированный эпитет добавляет к характеристике предмета неожиданные черты, внутренне ему не присущие. Окончательный вариант перевода является очень ярким, эпитеты хорошо сочетаются друг с другом, таким образом, создается интересный, живой образ.

Вообще, хотелось бы отметить, что автор для характеристики того или иного предмета нередко использует парные эпитеты для создания более полного образа.

(a tale composed), so I gathered, in language even more elaborate and mannered than that of *Hadrian*

Перевод: Как я понял, язык произведения был еще более изощренным и оригинальным, чем в «Адриане».

Опять же мы видим, что используются парные эпитеты. Если эпитет *elaborate* можно отнести к языковым, то *mannered* вряд ли. Такое сочетание языкового и речевого эпитета создает интересный образ. Подобрать русские варианты было непросто, но переводчице в конце концов с этим удалось справиться.

But no doubt it was more miserable than “quaint” to the man who suffered by it.

Первоначальный вариант перевода: Без сомнения, для человека, испытавшего все это, это было скорее жалким, чем «странным».

Окончательный вариант перевода: Без сомнения, для самого пострадавшего оно («оригинальное происшествие») было скорее унизительным, чем «оригинальным».

В первоначальном варианте неудачно переведены эпитеты, ведь они должны производить определенный эффект не по отдельности, а вместе. В первоначальном варианте, кроме того, допущена смысловая ошибка, неправильно переведено слово *miserable*, хотя в словаре есть значение «жалкий», все же надо учитывать смысл всего высказывания, сочетаемость слов и выбирать подходящий вариант уже исходя из этого. Эпитеты «жалкий» и «странный» не очень хорошо сочетаются в рамках одного предложения. Кроме того, в первоначальном варианте на стыке двух предложений использовано два раза местоимение «это», что, конечно же, не красит перевод. Найденные в окончательном варианте эквиваленты лучше сочетаются друг с другом и точнее отражают оригинал.

According to the merciless record of his sufferings

Первоначальный вариант перевода: как гласят безжалостные описания его страданий.

Окончательный вариант перевода: как гласит беспощадная хроника его страданий.

В этом случае пришлось заменить главное слово «описание» исходя из норм сочетаемости русского языка. Эпитет «беспощадный» оказывает большее воздействие, чем эпитет «безжалостный». По мнению В.Г. Гака, «выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов слово-употребления». (Гак, 129)

In that time Rolfe had changed from an eccentric and curious painter into a writer of challenging gifts and powers.

Перевод: За эти годы Рольф из чудаковатого, пускай и оригинального живописца превратился в писателя необыкновенной силы и дарования.

В этом случае опять же используется несколько эпитетов, для того чтобы наиболее точно выразить отношение автора к Рольфу. Исходя из контекста, слово *eccentric* переведено не как «эксцентричный», а как «чудаковатый», поскольку последнее лучше отражает теплое отношение автора. В данном случае, как и во многих других, выбраны не словарные варианты, а варианты, подходящие по контексту.

I could not resist the feeling that the writer had satisfied a long-standing debt by this unfriendly account of Rolfe's doings.

Перевод: Меня не покидало чувство, что этой враждебной статьей о злключениях Рольфа автор расквитался с ним по своим долгам.

В этом случае в переводе было усилено слово «doings» и переведено не как «деяния», а как «злключения», поскольку исходя из контекста оно как нельзя лучше отражает то, что происходило с Рольфом. На уровне контекста слово «злключения» подходит лучше, чем слово «деяния».

It is charitable, and reasonable, to suppose that

Перевод: Милосердие, да и благоразумие заставляют предположить

Эпитеты в оригинале переведены существительными, но перевод от этого не пострадал. Переводчицей выбрана конструкция, которая не будет выглядеть искусственной на языке перевода. В плане лексики удалось подобрать точные эквиваленты.

Books which sounded, in Mr. Leslie's descriptions, hardly less interesting than the one I already knew.

...with a plot very little less striking.

Перевод: По мнению Лесли, они не менее любопытны, чем та, с которой я уже знаком.

А сюжет – почти столь же захватывающ.

В этом случае использованы параллельные конструкции. Переводчице удалось передать этот стилистический прием и в русском языке.

I could not forget that the rapsallion so ruthlessly exposed had written Hadrian the Seventh.

Перевод: Я никак не мог забыть, что этот негодяй, которого так безжалостно вывели на чистую воду, написал «Адриана Седьмого».

Здесь использован прием иронии². Автор намеренно усиливает отрицательный образ героя, чтобы у читателя создалось положительное впечатление. Совершенно очевидно, что автор не считает своего героя «негодяем», и в его устах это слово приобретает положительный смысл.

Poor Rolfe!

Перевод: Бедный Рольф!

Здесь очевидна ирония, но это добрая ирония, без «ехидства».

His efforts to sell his paintings “in the mediaeval style” to the inappreciative people of Aberdeen were pathetic in their futility

Перевод: Его попытки продать написанные «в средневековом стиле» картины плохо разбиравшимся в живописи жителям Абердина были поистине трогательны в своей тщетности.

В переводе удалось передать иронию в тексте перевода, не внося каких-либо значимых изменений.

The would-be photographer was given chemicals with which to carry out his experiments, and even money.

Перевод: Несостоявшемуся фотографу выдали химические реактивы для проведения опытов и даже какие-то деньги.

Опять же не очень лестная характеристика из уст автора книги вызывает у читателя улыбку, поскольку ирония, в отличие от сатиры, не обличает, она используется для «эмоционального усиления характеристики» героя, которому отрицательная характеристика дается лишь для того чтобы показать его положительные стороны.

² Некоторые теоретические положения об иронии высказаны в связи с примерами 2 уровня, где их значительно больше (см. с 34)

Two months later, doubtless in desperation, the wretched outcast asked the House Surgeon at the Royal Infirmary to certify him as insane, in order that he might have free quarters, if only in asylum.

Перевод: Спустя два месяца, пребывая, судя по всему, в глубоком отчаянии, несчастный изгнанный попросил врача Королевской больницы дать ему справку, что он душевнобольной, потому что, лишь находясь на лечении в психиатрической лечебнице, ему не надо было бы платить за жилье.

Характеристики Рольфа «несчастный изгнанный» и «несостоявшийся фотограф» используются в одном абзаце, что, вероятно, было нацелено на то, чтобы у читателя все же возникли теплые чувства по отношению к герою книги.

Mr. Champion followed him and received a tale of exceeding woe.

Перевод: Тот последовал за ним, и тут ему поведали печальную повесть о неимоверных страданиях.

Мы знаем, что это высказывание принадлежит автору книги, поэтому если ирония переведена правильно, «издевки» в нем чувствоваться не должно.

В переведенном отрывке довольно распространенным является прием перифразы. Объяснить это несложно, ведь перифраза является одним из средств выражения эмоции и оценки, то есть имеет непосредственное отношение к выражению текстовой модальности. Все перифразы являются индивидуально-авторскими. Перифраза суперэкспрессивна, поэтому задача переводчика заключается не только в том, чтобы передать смысл, но и экспрессию. Все примеры перифразы относятся к 1 уровню.

«Перифраза – одно из стилистических средств языка, которое в форме свободного словосочетания или целого предложения со

значением, доминирующим над названием компонентов, заменяет собой название соответствующего предмета или явления, выделяя одну из характерных в данном конкретном случае черт предмета или явления, показывая тем самым субъективное отношение автора к описываемому» (Бытева, 17).

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дается следующее определение перифразе: 1. описательное выражение

2. троп, состоящий в замене обычного слова (простое обозначение некоторого предмета одним словом) описательным выражением (Ахманова, 312)

В диссертации Бытевой Т.И. «Феномен перифразы в русском литературном языке: проблема семантики и лексикографии» подробно рассматривается троп перифраза. Мы делаем обзор различных определений этого тропа на основании работы Бытевой Т.И.

Особенным свойством перифрастического сочетания является его способность заменяться словом, причем совершенно конкретным словом. Фразеологизмы тоже заменяют слово, но не заменяются определенным словом из-за свойственного им признака абстракции. Следовательно, способность перифрастического сочетания быть замененным определенным словом, не входящим в состав этого сочетания, можно рассматривать как основной параметр при выделении перифразы из текста.

Специфика перифразы как языковой единицы состоит в том, что она по преимуществу суперэкспрессивна. Если экспрессивность слов связана с выражением ими отличительных признаков объекта, то экспрессивность перифразы связана с выражением актуальных, коммуникативно-релевантных признаков объекта, которые не обязательно являются отличительными.

Перифраза обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-либо эмоцию или чувство. Эмоциональный компонент обычно сопровождается оценочным, поскольку эмоции имеют либо положительный, либо отрицательный характер. Перифразы довольно часто выступают средством эмоциональной оценки действительности, которая отображается в денотативном компоненте семантики перифраз. Эмоциональный компонент семантики перифраз формируется на базе предметно-логического значения и значительно модифицирует его, то есть представляет с какой-либо стороны (положительной или отрицательной).

Перифраза обладает оценочным компонентом значения, если она выражает суждение о том, что она обозначает, то есть одобрение или неодобрение. Следует отметить важную роль оценочного компонента перифраз в создании иронии. Ирония определяется как «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» (Арнольд, 87)

В некоторых лингвистических исследованиях выделяются «традиционные» и «индивидуально-авторские» перифразы. Основания такой классификации не приводятся.

Более частотными являются оппозиции «общезыковые» - «индивидуально-авторские» и «образные» - «необразные». В Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС, 1990) различаются две группы перифраз: воспроизводимые (фразеологизмы, крылатые слова) и ситуативные, индивидуально-авторские). В качестве основания такого различия указывается функциональный план, однако, без комментариев.

Необходимо отметить, что наличие в составе перифрастических сочетаний «тематического» и «рематического» компонентов —

отличительное свойство перифраз, которое существенным образом отличает их от других сочетаний с идентичными конструкциями.

По степени связности значения перифраз с контекстом целесообразно выделять контекстуальные и общезыковые. Перифраза выделяется максимальной полнотой реализации коммуникативного потенциала. С одной стороны, ее можно считать максимально автономной единицей в плане семантической достаточности, а с другой – в буквальном смысле контекстуально обусловленной. Контекст – это естественная и «неотъемлемая» среда существования перифразы. Перифраза принадлежит тексту, для нее просто не существует изолированного употребления. Проблема существования перифразы в контексте, соотношение перифразы и контекста недостаточно исследована до настоящего времени. Она, собственно, не поставлена в литературе, хотя и была намечена в ряде работ.

Рассмотрим примеры:

A self-tortured and defeated soul

Перевод: Истерзанный самобичеванием, потерпевший крах человек....

Данная перифраза является образной, и в переводе вполне удачно передана экспрессия. Конечно, в русском варианте можно было бы оставить слово «душа», но переводчице показалось, что тогда перевод будет высокопарным, чего в оригинале все же нет.

The unhappy Catholic vagabond

Перевод: несчастный католик-бродяга

Эта перифраза использована для обозначения Рольфа. Едва ли можно сказать, что вариант перевода отличается оригинальностью, но,

тем не менее, были выбраны такие лексические варианты, которые отражают сострадание и сочувствие автора книги к своему герою.

The wretched outcast

Перевод: несчастный изгнанный

Эта довольно сильная отрицательная характеристика вполне удачно передана на русском языке. Вполне возможно, что в этом случае можно говорить о приеме иронии, ведь перифраза используется очень часто для того, чтобы придать высказыванию иронический оттенок.

Анализ примеров II уровня

Проанализируем примеры **II уровня**, то есть примеры, демонстрирующие отношение автора статьи к Рольфу.

Для выработки переводческой стратегии необходимо учитывать то, что эта статья – реальная статья, она имела своего читателя (получателя), который составил свое мнение о герое статьи на основании фактов, изложенных автором статьи. Как уже говорилось, автор книги меняет прагматику статьи. Но так как теперь статья является частью книги, читатель книги воспринимает эту статью уже по-иному, его восприятие будет кардинальным образом отличаться от восприятия первоначального читателя статьи. Те, приемы, которые вызвали негативную реакцию у читателя, теперь вызывают чувство сострадания и сочувствия. Переводчица не должна забывать, для какого получателя она переводит и в соответствии с этим выбирать определенную стратегию.

Рассмотрим примеры:

And now we come to 1892, when this gentleman began to honour with his residence the Northern city of Aberdeen.

Первоначальный вариант перевода: И теперь мы переходим в 1892г., когда этот джентльмен начал обосновываться в Абердине, оказывая этому месту таким образом великую честь.

Окончательный вариант перевода: А теперь мы перейдем к событиям 1892 года, когда сей джентльмен только-только поселился в Абердине, тем самым оказав этому северному городу великую честь.

В этом случае мы наблюдаем прием иронии, которую в первоначальном варианте передать не удалось. Первоначальный вариант нейтрален в плане лексики, суховат, да и не выражает отношения критика к герою. Надо сказать, что автор статьи не единожды прибегает к приему иронии, но как уже говорилось, у читателя книги не возникает резко отрицательное отношение к герою. Таким образом, то, что работало на читателя статьи, уже не работает на читателя книги, читающего эту статью. Кроме того, переводчица сознательно сделала усиление и перевела *this* как «сей», для того чтобы придать негативную окраску слову джентльмен, поскольку, исходя из всего контекста, очевидно резко отрицательное отношение автора статьи к Рольфу. Этот прием можно назвать приемом компенсации на уровне текста, поскольку в некоторых случаях переводчице не удалось передать все тонкости оригинала.

Хотелось бы сказать несколько слов о приеме иронии, который широко используется как на первом, так и на втором уровнях, и объяснить это довольно просто. Основной функцией иронии является характеризующая функция. Под характеризующей функцией иронии понимается способность давать определяемому персонажу, предмету и т.п. какую-либо характеристику. При этом, соответственно природе иронии, эта характеристика дается не прямо, а завуалировано. Ирония всегда содержит в себе модальность, что очень важно для нашей работы. Перед автором книги стояла задача разобраться в том, каким же на самом

деле был Фредерик Рольф, то есть вся эта книга – попытка понять эту личность, ее поступки и творения. Ну, а поскольку А.Дж.А. Саймонс относится к своему герою с симпатией, то он использует прием иронии.

«Ирония – троп, основанный на употреблении слова в противоположном значении. Ирония выражает добродушно-насмешливое отношение, не обличающее, а дружелюбное (в то время как сатира выражает резко критическое отношение к действительности или определенному персонажу)» (Салихова, 12). Гальперин И.Р. относит иронию к лексическим стилистическим приемам, которые основаны на взаимодействии двух значений языковой единицы: предметно-логического (словарного) и контекстуального. Некоторые лингвисты полагают, что ирония создается за счет употребления слова, словосочетания или предложения в смысле обратном тому, который в них выражен, с целью внесения критичности, оценочной характеристики предмета речи.

Ироническое отношение предполагает превосходство или снисхождение, скептицизм или насмешку. Стилистический прием иронии представляет собой одно из языковых средств выражения субъективного отношения к предмету высказывания, поэтому одной из существующих черт этого приема является оценочность. В основе иронии лежит несоответствие словарного значения слова контексту его употребления, чем и обуславливается появления определенной оценочности. Стилистический прием иронии представляет собой средство оценки, с одной стороны, и средство эмоционального усиления характеристики героя, происходящих событий, с другой стороны.

Существует два семантических типа ироний:

а) использование положительного утверждения с целью передачи отрицания

б) предмету или лицу дается отрицательная характеристика с целью показать его положительные стороны.

He did all as becometh one with lordly aspirations.

Перевод: Он делал все, что приличествует человеку с аристократическими замашками.

Слово *becometh* – архаизм, кроме того, оно имеет высокую окраску. В данном случае переводчица выбрала слово несколько ниже по стилю, но оно достаточно полно отражает смысл оригинала. Что касается слова «замашки» в переводе, то оно, конечно, по стилю ниже слова *aspirations*, но с лексической точки зрения оно здесь очень подходит.

В следующих трех примерах использована лексика разговорного стиля, которая, конечно, выделяется на фоне нейтрального стиля статьи.

He was merely messing about

He was telling enormous yarns

The Baron chiefly occupied himself in what he called “beating up” all the well-to-do Catholics for money...

Перевод: (Он) просто слонялся без дела

Рассказывал несусветные байки (Первоначальный вариант – рассказывал невообразимые истории)

Барон в основном занимался тем, что он называл «обиванием порогов» у всех состоятельных католиков, он клянчил деньги...

В русском языке все четыре словосочетания: «слонялся без дела», «несусветные байки», «обиванием порогов» и «клянчил деньги», безусловно, относятся к разговорному стилю, и, соответственно, в тексте перевода будут также выделяться на фоне лексики нейтрального стиля. Вариант «рассказывал невообразимые истории» является довольно пресным и неудачным, поскольку не выражает отношение критика к Рольфу. Можно отметить, что переводчица сделала маленькое добавление в переводе – клянчил деньги, которое было необходимо, как

с точки зрения логики, так и с точки зрения правил сочетаемости русского языка.

But the further adventures of Baron Corvo must wait for another day

Перевод: О дальнейших выходках барона Корво мы расскажем позже

В этом случае переводчица сделала усиление и перевел adventures не как «приключения», а как «выходки», поскольку в данном контексте это слово как нельзя лучше отражает отношение автора статьи к Рольфу. Использован прием компенсации на уровне текста. Опять же отметим, что у читателя книги такое резкое слово не вызывает негативные эмоции, на которые рассчитывал автор статьи.

One of those upon whom he bestowed unsleeping attention was the late Roman Catholic Bishop of Aberdeen, Hugh Macdonald.

Перевод: Одним из тех, кого Корво жаловал своим неусыпным вниманием, был ныне покойный епископ Абердина Хью Макдональд.

В оригинале использовано слово высокой окраски bestowed, кроме того прослеживается несколько ироничное отношение. Переводчице не удалось найти в языке перевода слово такой же высокой окраски, но вариант, на котором она остановилась, с точки зрения лексики отражает оригинал довольно полно.

The new writer tells a story of his experiences with great minuteness

Перевод: Новоявленный писатель чрезвычайно подробно повествует о своих приключениях

В этом случае переводчица сделала усиление и перевела не «новый писатель», а «новоявленный». Такой выбор был сознательным, поскольку слово «новоявленный» несет негативную окраску, которая

необходима для того чтобы в полной мере отразить отношение автора статьи к Рольфу.

Personage

Перевод: Особа

В английском языке слово personage имеет определенную окраску, в рамках статьи оно имеет еще и иронический оттенок. Переводчица решила, что слово «особа» более точно отразит эти два момента, нежели слово «персонаж».

But “the Baron” has not now used the title for the first time; nor does he use it without being well warned by those with whom he was acquainted as to the complications likely to result if he persisted in doing so.

Перевод: Однако не в первый уже раз «барон» воспользовался своим титулом, не оставляя этой привычки, даже несмотря на неоднократные предупреждения своих знакомых о тех осложнениях, которые неизбежно возникнут, если он впредь будет упорствовать в своих притязаниях.

Здесь использован прием инверсии, который является ярким стилистическим приемом. Переводчица передала инверсию в том же предложении, но в другой его части, таким образом сохранил яркость оригинала.

He did not care a pin for money

Перевод: Деньги не интересовали его ни капельки

В оригинале использована лексика разговорного стиля, переводчица нашла, как кажется, удачный вариант, который также принадлежит к разговорному стилю.

He didn't hesitate to attempt even the highest flights.

Перевод: не стеснялся пытаться счастья даже в самых высоких сферах.

Это развернутая перифраза, которая на русском передана столь же полно. Вероятно, столь развернутый образ используется для того, чтобы не говорить прямо о поступках Рольфа, характеризующих его не с самой лучшей стороны.

Анализ примеров III уровня

Проанализируем примеры *III уровня*, демонстрирующие отношение автора книги к автору статьи. На этом уровне довольно сложно выделить преобладание того или иного приема.

So far the attack proceeded with menacing restraint.

Перевод: До этого момента враждебно-критическую статью отличала сдержанность, пусть и приправленная скрытой угрозой

Переводчица перевела слово *attack*, используя прием конкретизации с учетом контекста и выработанной стратегии. Эпитет «враждебно-критический» является речевым, а значит, очень экспрессивным, что и было необходимо для передачи экспрессии оригинала. Эпитет *menacing* переведен довольно развернуто, но такое многословие оправдано точной передачей лексической и стилистической составляющих оригинала.

(He was) giving actions a sinister colour.

Перевод: Поступки Рольфа приобретали зловещий оттенок.

В оригинале использован очень экспрессивный эпитет, который вполне удачно переведен. Словосочетание «зловещий оттенок» не является устойчивым, поэтому привлекает внимание своей новизной и необычностью, такой же эффект оказывает и оригинальное словосочетание. Значит, в переводе удалось найти правильный эквивалент с учетом прагматики.

This press attack had been very largely Mr. Leslie's authority on Corvo's early years.

Перевод: Для мистера Лесли эта полная враждебных нападков статья послужила во многом достоверным источником при повествовании о ранних годах жизни Корво.

Этот пример приведен для того, чтобы показать, насколько важно переводчице следовать выработанной ею стратегии. Переводчица отказалась от слова «атака» в русском языке (которое, кстати, было бы очень сложно связать со статьей) и нашла вариант, отражающий суть и выражающий отношение автора книги к автору статьи.

He returned to the attack.

Перевод: Он вновь выступил с язвительной статьей

В этом случае переводчица опять же использует прием конкретизации, и в русском языке появляется эпитет «язвительный», который несет в себе экспрессию еще и потому, что в сочетании со словом «статья» он является неассоциированным.

The expression “passed away” was much favoured by whomsoever wrote the attack on Rolfe

Перевод: Выражение «закончилось ничем» весьма часто использовалось анонимным автором ядовитой статьи.

Здесь использован прием перифразы, которая является суперэкспрессивной единицей. В этом случае задача переводчицы заключалась в том, чтобы передать эту экспрессивность, что вполне удалось. Эпитеты «анонимный» и «ядовитый» являются очень яркими выразительными средствами, несущими в себе оценку. В переводе удалось найти интересный, экспрессивный вариант, в котором переданы негативные эмоции, отрицательная и осуждающая оценка.

Though even that minor triumph brings its sting

Перевод: Но даже этот скромный успех заставил абердинского критика выпустить жало.

В оригинале мы видим стертую метафору, в переводе же она стала более свежей за счет некоторого смыслового развития. Такое «обновление» метафоры вполне оправдано с учетом выработанной переводчицей стратегии.

IV Выводы. Осмысление переводческой стратегии

Очень часто сочетание «переводческая стратегия» ассоциируется с приемами синхронного перевода, с теорией вероятностного прогнозирования. Или же с лексическими трансформациями, то есть с генерализацией, конкретизацией, смысловым развитием, антонимическим переводом, целостным преобразованием, компенсацией. На самом же деле, переводческая стратегия – нечто большее.

По мнению А.Д. Швейцера, «перевод как процесс решения складывается из двух основных этапов: 1. из выработки стратегии перевода и 2. из определения конкретного языкового воплощения этой стратегии. В выработку стратегии перевода (в особенности художественного) входит и принятие решения относительно аспектов оригинала, которые должны быть в первую очередь отражены в переводе. Исчерпывающая и в равной мере адекватная передача всех аспектов оригинала не всегда оказывается возможной. Некоторые потери в переводе порой неизбежны. Переводчик должен заранее установить шкалу приоритетов». (Швейцер, 64)

Применительно к переведенному тексту приоритетом являлось точное воспроизведение уровней модальности текста. В любом переводе неизбежны потери. При выработке стратегии переводчице следовало решить, какие потери с учетом поставленной задачи допустимы, а какие – нет.

В этом отрывке просматриваются три уровня модальности, три плана отношений: отношение автора книги к Фредерику Рольфу, отношение автора статьи к Фредерику Рольфу и отношение автора книги к автору статьи. Переводчица на этапе выработки стратегии определила, где проходят границы каждого из уровней. При переводе следовало сохранить между этими уровнями отношений баланс, существующий в

оригинале. Порой в силу причин сочетаемости русского языка, стилистических причин не удавалось точно передать оригинал. Однако в каком-то другом месте это обязательно компенсировалось с целью сохранения равновесия между уровнями модальности.

В III разделе мы анализировали оригинал и перевод. На I уровне рассматривались примеры, демонстрирующие отношение автора книги к Фредерику Рольфу. На этом уровне задача переводчицы заключалась в том, чтобы передать теплое, доброе отношение автора книги к своему герою. Исходя из этого иронию нужно было переводить как иронию и ни в коем случае не переходить на сатиру, что кардинальным образом нарушало бы поля модальности. Прием перифразы, который часто использовался для создания иронии, переводчица по возможности переводила столь же образно и старалась не отходить от оригинала. Если автор называл своего героя *the wretched outcast*, то переводчица и переводила как «несчастный изгнанный» и никак иначе.

К приему компенсации переводчица прибегала особенно часто при переводе предложений, в которых выражалось отношение автора статьи к Фредерику Рольфу, такие примеры можно найти на II уровне. *New writer* переведено как «новоявленный писатель», что, конечно же, несет в себе отрицательную коннотацию. *Adventures* как «выходки», *beating up* как «клянчил деньги». Сознательное усиление необходимо для того чтобы верно передать отношение автора статьи к герою.

На III уровне, демонстрирующем отношение автора книги к автору статьи нередким является прием конкретизации. То есть на английском языке многие характеристики автору статьи автор книги дает расплывчато, использует прием перифразы. Если бы он открыто высказывал свое мнение к автору статьи, это было бы неэтично, да и читателю было бы не интересно читать и разбираться, кто же из них прав. Важно было перевести так, чтобы текст перевода оказывал на

читателя то же воздействие, что и на человека, читающего это произведение на языке оригинала.

Как нам представляется из анализа оригинала и перевода, нужный баланс трех уровней был в целом верно создан средствами русского языка и, следовательно, переводческая стратегия себя оправдала.

Практическая часть

2

Ключи к разгадке

Кристофер Миллард весьма охотно согласился поделиться со мной тем, что ему самому стало известно о Фредерике Рольфе, изучение жизни и литературного творчества которого являлось для него на протяжении многих лет одним из излюбленных занятий, но предупредил меня, что его сведения далеко не исчерпывающи, да и, кроме того, их уже использовал мистер Шейн Лесли в своем биографическом очерке, напечатанном в «Лондон Меркьюри». Сначала он показал мне оригиналы писем из Венеции - тех, что я читал в машинописном варианте. Их вид был едва ли не более удивительным, чем содержание: написаны они были на клочках бумаги самых причудливых форм и размеров чернилами различных цветов: красными, синими, черными, зелеными и фиолетовыми – по всей видимости, теми, что оказались под рукой, - а почерка изящнее этого мне никогда прежде видеть не доводилось. Судя по внешнему виду, письма были вполне достойны того, чтобы выйти из-под пера автора «Адриана», и все же этот глас из *глубины*³¹ заставил меня вздрогнуть.

Затем Кристофер вручил мне гранки биографии Рольфа, составленной мистером Лесли, и, наконец, передал связку писем и газетных откликов, которые вызвала ее публикация. Друг заверил меня, что тщательно изучив все эти бумаги, я буду знать ровно столько, сколько он, и весьма вероятно, более, чем любой человек на свете о том, кто так сильно разжег мое любопытство. Он ошибся: мне предстояло

³¹Out of the depths have I cried unto thee, Lord – Из глубины взываю к Тебе, Господи (Пс./129:/1) – здесь и далее в сносках, если не указано иное, приводятся примечания переводчика.

узнать еще очень много, однако я все равно бесконечно благодарен ему за первые сведения о Фредерике Рольфе.

Я не терял времени зря и внимательно изучил полученное «досье». Самой ранней оказалась вырезка из газеты «Стар» от 29 октября 1913 года. Вот она:

«Необыкновенно интересная и почти загадочная личность отбыла в мир иной – несколько дней назад на своей венецианской квартире был найден мертвым писатель Фредерик Рольф. Многочисленные романы, подписанные его собственным именем, несут отпечаток обширных, но хаотических знаний, однако они неизменно поражают критиков глубоким пониманием и точностью в описании жизни итальянского духовенства - как сельского, так и высшего.

За подписью же барона Корво (итальянский титул, полученный, по его собственным словам, от герцогини Сфорца-Чезарини, подарившей ему несколько поместий) он публиковал стихи и весьма спорные статьи о католических обрядах и политической жизни Италии. Он не раз утверждал, что одно время и сам был священником, но, насколько нам известно, иерархи его церкви это отрицают.

Убежденный католик, Рольф тем не менее расходился с ними во мнении по поводу положения дел в Италии, резко выступая против участия церкви в делах светской власти. Он также составил подробную генеалогическую таблицу, из которой следует, что итальянский король являлся законным королем Англии, и какой бы фантастической ни казалась его теория – знатоки древностей и геральдики отдали должное его серьезным познаниям и глубине исследований.

На протяжении нескольких лет мистер Рольф жил под именем барона Корво в городе Крайстчерч (графство Гэмпшир), где приобрел известность благодаря своим приступам невероятного расточительства,

которые, впрочем, сменялись периодами крайнего аскетизма. В Венеции же в последние годы он вел исключительно аскетический образ жизни.

Возможно, главное, за что его будут помнить, - это сборник «Истории, которые мне рассказал Тото», где великолепно описана жизнь итальянских крестьян».

Затем я обратился к статье мистера Лесли, прочел ее самым внимательным образом и вновь был поражен. Нашлось объяснение той тонкой нотке сарказма, которую я мельком уловил еще в сообщении газеты «Стар». В отношении Фредерика Рольфа такие эпитеты, как «необыкновенно интересная» и «почти таинственная личность», казались просто преуменьшением.

Творческий путь Рольфа был по меньшей мере столь же удивителен как его книга, а путешествия достойны Жюль Верна⁴¹. Постепенно я начал понимать, почему о нем так неохотно вспоминали: по-видимому, вечными его спутниками были дух противоречия и озлобленность, он обижал людей безо всяких угрызений совести и сам обижался без малейшего повода; дошло до того, что даже друзья стали бояться и избегать его.

Несмотря на язвительное остроумие, а также занятность и живость повествования, рассказ мистера Лесли о невзгодах Рольфа (кстати, во многих виноват он был сам) получился довольно грустным. То была подлинная трагикомедия, куда более мрачная и невероятная, чем я ожидал. Казалось, с самого начала характер этого несчастного человека и жизненные обстоятельства вступили во вражду с его талантом: как ранние, так и поздние годы жизни он провел в бедности, будучи преисполнен отчаяния; частные уроки, случайные заработки и подачки богачей — таков был удел человека, правившего целым миром (в мечтах, конечно).

⁴¹ Жюль Верт - герой одноименного романа Алена-Рене Лесажа (1668–1747).

Голодал он не только в Венеции. Многие на его месте сошли бы с ума, доведись им пережить столько тягот и разочарований; и нет ничего удивительного в том, что под конец жизни Рольфа знакомство с ним являло собой «маленький эксперимент в области демонологии». Я согласился с выводом мистера Лесли о том, что «это был истерзанный самобичеванием, потерпевший крах человек, который мог добиться многого, если бы родился в нужное время и нужном месте». И хотя я разделял это мнение, все-таки, на мой взгляд, статья оставила без ответа множество чрезвычайно любопытных вопросов, возбуждавших во мне безумное любопытство. Каково происхождение Рольфа? Какое он имел воспитание? Каким образом оказался в Венеции без всяких средств к существованию? Неужели больше никак нельзя было помочь человеку, обладавшему бесспорным талантом? Причем не только бесспорным, но и безудержным. Едва ли найдется много людей, в чьей жизни было столько же неопределенности и лишений, как у Фредерика Рольфа, и несмотря на это ему каким-то образом удалось создать по крайней мере еще четыре книги, помимо «Адриана»: по мнению Лесли, они не менее любопытны, чем та, с которой я уже был знаком. Взять, например, «Дон Тарквинио», рассказ об одном дне жизни молодого дворянина из окружения семейства Борджиа в 1495 г. Как я понял, язык этого произведения был еще более изощренным и метафоричным, чем в «Адриане», а сюжет – почти столь же захватывающ. Похоже, Рольф хорошо разбирался в истории средних веков, поскольку он также написал «Хроники Дома Борджиа», историческую работу, изобилующую малоизвестными сведениями и едкими замечаниями. Еще более заманчивыми казались «Истории, которые мне рассказал Тото», получившие в некрологе газеты «Стар» следующую характеристику: «потрясающая, эксцентричная, причудливая, странная, сумасбродная и безрассудная книга». Написанное замысловатым языком, это сочинение пестрит прихотливыми неологизмами и словами в сугубо авторской

орфографии. Рольф даже переводил Омара Хайяма (но не с персидского языка, а с французского перевода Никола) - так называемым «диафоническим» стихом, призванным как можно точнее передать юмор и сарказм оригинала.

Мое любопытство уже давно было возбуждено «Адрианом», и намеки на предстоящее удовольствие лишь раззадорили неутоленную жажду. Чтобы найти ответы на свои вопросы, я стал изучать последние вырезки из небольшой подборки Милларда. Самой содержательной оказалась чрезвычайно талантливая рецензия на новое издание «Рассказов Тото», опубликованная в литературном приложении к газете «Таймс»; ее предваряла статья мистера Лесли. Критик восторженно отзывался о творении Рольфа и предсказывал, что «несчастный католик-бродяга будет жить и даже, возможно, станет популярнее. Его работы, как и произведения Гюйсмана, были «для большой публики, что называется, не в коня корм»⁵, но притягательны настолько, что невозможно устоять перед искушением их страниц. Человек, которому удастся открыть душу так, как это сделал Рольф в первых главах “Адриана Седьмого”, вряд ли будет испытывать недостаток в читателях». Эта статья, написанная под влиянием предисловия мистера Лесли, тоже в свою очередь вызвала большое количество писем, которые Миллард сохранил со свойственным ему педантизмом. 25 декабря 1924 года мистер Гарри Пири-Гордон обратился к редактору со следующим посланием:

«Сэр,

В напечатанной на прошлой неделе рецензии на книгу барона Фредерика Корво “По образу своему”⁶ упоминались некоторые другие

⁵ Шекспир, “Гамлет”

⁶ In his own image – По образу своему (Быт. 1:26)

произведения этого писателя. Однако к этому списку можно добавить еще две книги, написанные им в соавторстве. Одна из них, “Судьба странника”, была опубликована в 1912 году за подписью “Просперо и Калибан”; другая, “Хьюберт и Артур”, полностью вымышленная история жизни Артура, герцога Бретонского, была на момент смерти Рольфа еще в рукописи. Он доверил ее одному отзывчивому пастору англиканской церкви, который помогал ему в последние недели жизни в Венеции. В надежде связаться с этим последним из благодетелей Фредерика Рольфа я прошу Вас опубликовать это письмо.

Гарри Пири-Гордон».

Неделю спустя в «Таймс» появилось еще одно письмо, на сей раз от мистера Фрэнка Суиннертона:

«Сэр,

Мистер Гарри Пири-Гордон упоминает неопубликованный роман Фредерика Рольфа под названием “Хьюберт и Артур”. Мне однажды довелось увидеть это высокохудожественное произведение в рукописи, а, кроме того, полный вариант романа (написанного ранее), озаглавленного “Роман о современной Венеции, или Желание и поиски целого”. Он хранился у владельца книжного магазина в Венеции г-на Онгании. Это захватывающее, великолепное сочинение. Если мне не изменяет память - а я, к сожалению, не могу полностью полагаться на нее, все-таки прошло десять лет, а может, и более с тех пор, как я прочитал книгу, - то в ней было много материала, который кем-то может быть расценен как клевета. Это касается тех лиц, за которых, как утверждает сам Фредерик Рольф, он писал книги. Однако если будет проводиться исследование неопубликованных рукописей Рольфа, то упомянутая книга заслуживает особого внимания.

С уважением,
Фрэнк Суиннертон».

Когда я прочитал эти письма, решение, которое зрело во мне, с тех пор как я познакомился с «Адрианом», сложилось. Я найду потерянные рукописи и напишу биографию Фредерика Рольфа.

И я сразу же принялся рассылать письма всем, кто каким-либо образом был связан с Рольфом. Я написал мистеру Суиннертону, вложив послание для передачи г-ну Онгании; мистеру Милларду с просьбой прислать мне другие книги Рольфа; мистеру Лесли, мистеру Пири-Гордону и мистеру Чарльзу Гейнз-Джексону (последний, по словам Милларда, был одним из близких друзей Рольфа). Затем я, вполне довольный, успокоился и стал ждать развития событий.

Первым откликнулся мистер Суиннертон:

«Глубокоуважаемый сэр,

Я бы очень хотел помочь Вам, но вряд ли смогу это сделать. Во-первых, мне не известен адрес, по которому в настоящее время проживает г-н Онгания, книготорговец из Венеции, и поэтому я вынужден вернуть предназначавшееся ему письмо. Мне кажется, что г-на Онгании уже нет в живых, но я ничего не знаю точно. Во-вторых, мне следует объяснить Вам, при каких обстоятельствах я увидел рукописи Фредерика Рольфа и почему написал в литературное приложение к “Таймс”. Вот как это было.

С 1910 по 1925 гг. я работал рецензентом в издательстве “Чатто и Виндус”. В самом начале моей работы по меньшей мере две рукописи Фредерика Рольфа поступили туда, но их отклонили. Насколько *мне* известно, эти сочинения (написанные рукой самого автора) переслал в издательство г-н Онгания, которому Фредерик Рольф оставил их в

качестве залога за одолженные деньги. Одно из них, если не ошибаюсь, называлось “Желание и поиски целого”: великолепная, но слишком затянутая книга с некоторыми клеветническими нотами (по крайней мере, я так считаю, поскольку Рольф представил главного героя автором книг, опубликованных под именами других людей, чьи реальные имена угадывались за описанием). Вот именно из-за этих намеков произведение и не могли опубликовать.

Вторая книга, псевдоисторический роман “Хьюберт и Артур”, должна была рассказать настоящую историю того, как Хьюберт якобы ослепил Артура. Насколько я понял, рукописный вариант этой книги с разрешения автора послали одному американцу, у которого он до сих пор может находиться. Вот и все, что мне известно. Мною руководило одно лишь желание написать о том, что эти рукописи когда-то существовали, и именно поэтому я отправил письмо в литературное приложение к “Таймс”.

Вскоре после его опубликования я получил открытку от одного джентльмена из Италии. Он сообщил, что, по его мнению, некоторые рукописи Рольфа одно время находились у некой дамы, ныне покойной, и запросил у меня дополнительные сведения, коих я не имел.

Кроме того, мне пришло обстоятельное письмо из Австралии от брата Рольфа, школьного учителя. По его словам, он не смог стать исполнителем завещания Фредерика после его кончины. Я полагаю, потому, что тогда он должен был бы взять на себя все его долги, расплатиться с которыми ему было не под силу. Он призывал меня сделать все возможное, чтобы найти рукописи брата, поскольку теперь рассчитывал извлечь какую-нибудь выгоду из его завещания. По моей просьбе в издательстве “Чатто и Виндус” навели справки, и оказалось, что иные права, конкретные или подразумеваемые, все же существовали. Однако установить, кто именно владел правами на неопубликованные сочинения Рольфа, оказалось (или же казалось) невозможно, и потому

было решено больше к этому делу не возвращаться. Письмо мистера Рольфа из Австралии у меня не сохранилось.

Кажется, помимо него у Фредерика Рольфа был еще один брат, который в настоящее время проживает в Англии и работает адвокатом. Правда, я не знаю, как помочь Вам связаться с этими братьями, и даже не представляю, насколько знакомство с ними окажется полезным, даже если Вам все же удастся его завести. Может быть, стоит попросить помощи у сотрудников издательства “Чатто и Виндус” - больше ничего мне на ум не приходит.

Я не знал Фр. Рольфа лично, только раз видел его мельком, - вот и все. О его знакомых мне также ничего не известно. Издательство “Чатто и Виндус” выпустило две его книги - “Дон Тарквинио” и “Адриан Седьмой”, - но это было еще до того, как я поступил к ним на работу. Могу лишь Вам сообщить о том, что “Желание и поиски целого”, равно как и “Хьюберт и Артур”, существовали в рукописи, но это Вы и так знаете из моего письма в литературное приложение к “Таймс”, а может, и из других источников. Я бы с удовольствием предоставил любые сведения, которые могли бы помочь Вам в написании книги, которая, уверен, будет очень интересной и полезной, но, к моему сожалению, это не в моих силах.

Искренне Ваш,

ФРЭНК СУИННЕРТОН».

Это письмо, как будет видно из дальнейшего, подсказало мне несколько новых направлений для поисков. Казалось вполне очевидным: о Рольфе что-то должно быть известно издательству «Чатто и Виндус», и поэтому я обратился к одному из его совладельцев, г-ну К.-Х.-К. Прентису, с которым я знаком накоротке, но всегда с удовольствием общался. Мистер Прентис с охотой вызвался помочь, однако выразил сомнение, что ему удастся это сделать. Переписку с Рольфом давно уничтожили, и ни один из ныне работающих сотрудников не был с ним

знаком. С другой стороны, к своему огромному удивлению, я узнал, что рукопись романа «Желание и поиски целого» хранится сейчас в сейфе издательства. Собственно говоря, она лежала там, никому не нужная, со времени кончины Рольфа. Стоя от нетерпения, я попросил разрешения ознакомиться с ней, однако из-за свойственной всем издателям предосторожности я ее не получил. Мистер Прентис тоже обратил внимание на опубликованное в «Таймс» письмо мистера Суиннертона, в котором упоминалось о клевете, и поэтому не захотел показать мне рукопись без надлежащего разрешения. Однако какое разрешение его бы устроило, он не уточнил. Он сообщил мне, что один из братьев Рольфа – адвокат – живет сейчас в Лондоне, но было совершенно непонятно, кто конкретно владел правами на давно забытую книгу: он или тот англиканский священник, о котором упоминал мистер Пири-Гордон. Мистер Прентис порекомендовал мне связаться с Гербертом Рольфом, и я решил последовать его совету. Я сразу же написал ему; и через несколько дней получил следующее письмо:

«Уважаемый сэр,

Я не имею ничего против того, чтобы предоставить Вам сведения, касающиеся моего брата Фредерика Уильяма Рольфа, но, к сожалению, вряд ли смогу уделить этому делу много времени. Разумеется, я весьма заинтересован в том, чтобы все публикации о моем брате соответствовали действительности. Вы можете прислать мне список интересующих Вас вопросов. Если же предпочитаете встретиться со мной лично, то я просил бы Вас прийти до начала судебной сессии. Назначить встречу можно по телефону. В ближайшие дни я наверняка буду в конторе с 11.30 до 16.00. Полагаю, до публикации Вы позволите мне ознакомиться с тем, что будет написано о моем брате. Были ли Вы знакомы с ним лично?

Хотел бы предупредить Вас о том, что, возможно, мне не удастся припомнить все точные даты некоторых событий его жизни.

С уважением,
Герберт Рольф».

Не успел я ответить на осторожное предложение мистера Рольфа, как получил еще одно письмо:

«Уважаемый сэр,

Ваше письмо по ошибке распечатал мой брат, и только сейчас переслал его мне. Все сведения о бароне Корво, которые мне удалось собрать, я использовал при написании статьи для журнала “Меркьюри”, где были приведены выдержки из его произведений. Двадцать лет назад его роман “Адриан Седьмой”, обнаруженный Р.-Х. Бенсоном, оказал на нас, студентов Кембриджа, огромное влияние. Я был совершенно околдован «византианским» языком автора.

У Гранта Ричардса была подшивка писем Корво. После того как его издательство обанкротилось, она перешла к фирме “Мор и Ко.”. Помнится, там мне показывали множество рукописей, написанных чернилами разных цветов. Обратитесь к Гранту Ричардсу, опубликовавшему книгу Рольфа о Борджиа. Вам придется получить его разрешение на использование писем.

Искренне Ваш,
Шейн Лесли».

Я тотчас же написал в фирму «Мор и Ко». Мне не составило никакого труда соотнести ее с издательством «Де ла Мор Пресс», напечатавшим серию книг «Кингз Классикс», которыми я зачитывался в

детстве. Пока я ждал ответа, мне представилась еще одна потрясающая возможность пополнить мои знания о Корво:

«Уважаемый сэр,

Если Вы сообщите мне, какой день Вам удобен для встречи, я зайду к Вам в этот день в 17 часов, и мы поговорим о бароне Корво.

С уважением,

Гарри Пири-Гордон».

Оглядываясь назад, я вижу в каждом из этих писем отражение характера их авторов: осторожность мистера Рольфа, столь характерную для юристов, обходительность мистера Суиннертона, употребление мистером Лесли словечка «византианский» и лаконичность мистера Пири-Гордона. Письмо мистера Рольфа требовало незамедлительного ответа, и я, следуя его указаниям, позвонил в контору и договорился о встрече на следующий день. Тем временем в мои сети попала еще одна жертва: доложили, что пришел мистер Гейнз-Джексон. В ответ на письмо он тут же явился ко мне собственной персоной.

Моему седовласому гостю действительно было что рассказать, поскольку он знал Рольфа очень близко (уже позднее я обнаружил, что почти все, кто был знаком с ним, считали его самым неординарным человеком из своего окружения). Знакомство завязалось совершенно случайно в самом начале девяностых, когда мистер Джексон, служивший тогда поверенным, проводил, по обыкновению, отпуск в городке Крайстчерч, что в графстве Гэмпшир. В то время это была скорее тихая деревушка, находившаяся довольно далеко от г. Борнмут, в котором летом весьма любила бывать художественная богема. Однажды для обсуждения как личных, так и деловых вопросов мистер Джексон зашел к одному клиенту из числа местных жителей - ныне покойному Глисону

Уайту, известному тогда искусствоведа. У него в доме он встретил художавого, чисто выбритого, слегка похожего на священника незнакомца, которого ему представили как барона Корво.

Несмотря на иностранное имя, барон совсем не был похож на итальянца. Отрекомендовался он англичанином и художником. При более тесном знакомстве выяснилось, что он наделен многими талантами: был прекрасным гребцом, пловцом, рыболовом, одаренным музыкантом, фотографом и каллиграфом, обладал отличным вкусом и умел красиво говорить. Глисон Уайт слыл превосходным рассказчиком, причем даже в те дни, когда беседа была в обществе одним из излюбленных занятий, но когда он замолкал, у барона была уже наготове новая тема; рассказы об Италии и Англии, которыми барон мастерски развлекал слушателей, были занимательнее историй хозяина. Своим титулом Корво был обязан (точнее говорил, что обязан) пожилой англичанке - герцогине Сфорца-Чезарини, перешедшей, как и он сам, в католичество. Герцогиня, с которой он познакомился в Италии, относилась к нему почти как внуку, даровав небольшое имение, к коему прилагался титул барона, – подобно тому как некоторые земельные участки в Англии позволяют хозяевам именоваться *владельцами поместья*.

Не было никаких оснований подвергать его заявления сомнению. В Италии он определенно получал денежные переводы от герцогини, поскольку мистер Джексон помнит, как обращал в наличные ее чеки, где значилась сумма в лирах; они приходили примерно раз в месяц. Корво снимал квартиру в доме, который принадлежал ушедшему на покой дворецкому; на втором этаже он оборудовал мастерскую и все время посвящал искусству.

Местную католическую церковь украшало множество написанных фигурных фресок, эти росписи при желании можно увидеть и сегодня; говорили, что его творения есть и в других церквях.

Возможно, самой большой странностью барона в тот период, когда он жил и работал в городке Крайстчерч, был его метод рисования. Прекрасно осознавая, что ему не очень удаются фигуры людей, он обыкновенно фотографировал позировавших ему моделей, затем вырезал отдельные кадры и с помощью проекционного аппарата получал изображение на холсте, что позволяло ему набросать эскиз.

Идеалом для него всегда была византийская иконопись, и потому некоторые из написанных им полотен были украшены вышивкой и стеклярусом. Корво производил впечатление очень набожного католика, и, прежде чем начать работать новыми кистями, носил их освящать. Практически все его картины были на религиозные темы. Мистер Джексон доставил мне наслаждение и позабавил меня, продемонстрировав мне репродукцию одного из самых грандиозных полотен Корво. Несколько лет спустя я показал Риккетсу и Шэннону⁷¹ нарисованный Рольфом головной портрет Св. Уильяма Нориджского, и по их мнению, в этой работе просматривается интересная манера письма. Даже поврежденная сыростью фреска в церкви Св. Михаила в городке Крайстчерч и сейчас по-своему впечатляет.

С удивлением я узнал, что в те давние годы никто не считал Рольфа писателем: он представлялся художником – художником и слыл. Ведь на самом деле именно его многообещающие способности к живописи повлияли на решение герцогини помочь ему материально. Но он все же изредка писал стихи, в большинстве случаев черпая вдохновение из своих же картин.

Еще некоторое время барон продолжал наслаждаться местным обществом, ездил на пикники и не отказывал соседям в нехитром гостеприимстве. Однако его крепнувшая дружба с мистером Джексонем, которого общение с Корво все более и более увлекало, внезапно

⁷¹ Известные художники Королевской Академии

прервалась, причиной тому послужила неудачная сделка, положившая конец пребыванию барона в Крайстчерч. Дело в том, что барон вознамерился купить находившееся в собственности Глисона Уайта помещение под названием “Кэкстон Хаус”, где размещались принадлежавший ему же магазин канцелярских товаров и платная библиотека. Интересы мистера Уайта представлял мистер Джексон, который как профессиональный поверенный, конечно же, выяснил, что финансовое положение Корво весьма плачевно.

У Рольфа также был адвокат, нанятый очень необычным образом. Прослышав, что Джон Уитерс хороший юрист, он отправил ему телеграмму следующего содержания: “Прошу Вас немедленно прибыть в г. Крайстчерч, графство Гэмпшир, для заключения важной сделки по передаче прав на недвижимость. На станции Вас будет ждать четырехместная коляска, запряженная белой лошастью. Барон Корво”. Молодой адвокат спешно выехал, предвкушая встречу с влиятельным клиентом, но мечты его рассеялись как дым, когда он увидел, что “четырехместная коляска, запряженная белой лошастью” - всего лишь станционная извозчичья пролетка, которую с трудом тащила искусанная блохами серая кляча.

Корво намеревался осуществить покупку, продав свои земельные участки в Бристоле и Оксфорде; но оказалось, что те были уже полностью заложены, а потому сделка не состоялась. Более того, вокруг имени барона стали ходить разнообразные слухи. Его долги местным торговцам стремительно росли; а денежные переводы от герцогини перестали поступать. Говорили, что барон Корво на самом деле никакой не барон, а всего-навсего Фредерик Рольф. Слухи разрастались как снежный ком, и в какой-то момент между декабрем 1891 и июнем 1892 г. “барон Корво” исчез из графства Гэмпшир, бросив на произвол судьбы свои картины, кисти и долги.

Несмотря ни на что, барон считал себя пострадавшей стороной. Последний раз мистер Джексон слышал о нем от одного из его друзей, которому десять лет спустя Рольф написал следующее:

«Если Вы состоите в переписке с Г.-Дж., передайте ему следующее: он совершил ужасную ошибку, и мне ни разу не доводилось слышать, чтобы он когда-либо пытался или выражал желание ее исправить. Случись мне узнать о подобном намерении с его стороны, я не стал бы чинить ему препятствий, я не настолько мелочен. Но в настоящее время он представляется мне человеком, которого следует избегать, ибо он распространяет непроверенные, а то и просто ложные сведения. Поистине жаль, поскольку, несмотря на то, что по его милости я десять последних лет жил в аду, как человек он мне нравится. Прошу Вас, не сообщайте ему ровным счетом ничего обо мне и о том, чем я занимаюсь».

Случившаяся в Крайстчерч история раскрывала личность Корво с весьма неприглядной стороны. У мистера Джексона, похоже, не было и тени сомнения в том, что Рольф задумал совершить мошенничество. Он также сказал, что счел необходимым предупредить своих друзей о том, чтобы они не вели никаких финансовых операций с “бароном”.

И все же я выслушал только одну сторону, но чтобы вынести вердикт, мне были необходимы дополнительные сведения. Материал был у меня на руках. Из папки, в которой хранились письма Корво, мистер Джексон достал две большие вырезки из журнала «Абердин Фри Пресс» от 1898 г. Он обратил на них внимание еще тогда, они были напечатаны, и сохранил их, поскольку счел, что они представляют немалый интерес. Мне эти статьи показались столь же увлекательными, как и венецианские письма Корво, которые показывал Миллард: удача улыбнулась мне в самом начале работы над биографией. Ко мне попала подробно рассказанная врагом моего героя история о ранних

злключениях этой эксцентричной натуры, чью жизнь я намеревался самым тщательным образом изучить. По мере того как я знакомился с ней, мне становилась понятнее причина озлобленности Рольфа в последующие годы, и я начал понемногу осознавать, какими терзаниями была наполнена его жизнь.

3

Нападки газетчиков

ФОРМАЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ для написания статей, которые мистер Джексон оставил мне для ознакомления, послужили псевдовоспоминания Рольфа, опубликованные в ежемесячном журнале “Уайд Уорлд Мэгэзин”, который одно время весьма опрометчиво гарантировал достоверность сообщений своих авторов. Небылицы Луи де Ружмона, появившиеся на страницах этого издания, вызвали, однако, такую волну насмешек, по поводу утверждения, что редакция поспешила отказаться от своих притязаний, будто журнал не печатает ничего, кроме правды. В последнем номере, на который еще распространялась эта недолговечная гарантия, увидел свет безобидный и занимательный рассказ, позволивший врагу Рольфа открыть счет (к этому рассказу я еще вернусь).

Первая часть этой статьи, содержавшей немало нападок, озаглавлена так:

БАРОН КОРВО

НОВЫЕ “ВСЕМИРНЫЕ” ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ

АРИСТОКРАТ ИЗ АБЕРДИНА

А начинается она следующим образом:

«Недавно весь свет был потрясен открытием, сделанным журналом “Уайд Уорлд Мэгэзин”, новым периодическим изданием, печатающим на своих страницах достоверные отчеты о захватывающих приключениях. Сначала выяснилось, что в лице месье Ружмона мир получил более выдающегося путешественника, нежели сам Робинзон Крузо, а некоторое время спустя читателей ожидало не меньшее удовольствие, когда стало понятно, что на самом деле представляет собой сей великий исследователь и антрополог.

Едва разобравшись с аферой Ружмона, журнал обнаружил еще одну выдающуюся личность. В этом месяце ею оказался аристократ, историю которого предваряло привычно-хвалебное вступительное слово редактора, призванное, как это бывает, привнести в рассказ пикантности. Новоявленный писатель чрезвычайно подробно повествует о своих приключениях, однако следует отметить, что многие из его походов куда более впечатляющи, нежели те, о которых поведал журнал “Уайд Уорлд Мэгэзин”. О них обществу также полезно будет узнать.

Статья, о которой речь, называется “Как меня похоронили заживо”, а подписана она “бароном Корво”. Впрочем, в самом журнале Вы нигде не увидите его имя в кавычках, которые могли бы показать, что он не настоящий барон. Заявленное право на обладание титулом подтверждается в уже упомянутом редакторском вступлении. В нем совершенно серьезно представлены пережитые бароном Корво жуткие приключения, описанные во всех подробностях им самим и сопровождаемые рисунками, сделанными под его непосредственным руководством”. Перед статьей помещена фотография довольно молодого человека – портрет барона Корво. Можно сказать, что фотография удалась, ибо в Абердине и его окрестностях барона узнали многие люди, которые могли бы сообщить о нем нечто гораздо более интересное, чем то, что опубликовано в журнале “Уайд Уорлд Мэгэзин” за подписью Его Сиятельства... Основное достоинство истории заключается в том, что

она описывает настоящие приключения этого аристократа, и... по ряду причин было бы полезно продемонстрировать, насколько *серьезно* следует относиться к Его Сиятельству барону Корво.

Сначала о титуле. Нет смысла листать книгу пэров Англии или любой другой страны, пытаясь отыскать в ней родословную барона Корво. Однако уже не в первый раз “барон” воспользовался своим титулом, не оставляя этой привычки, даже несмотря на неоднократные предупреждения своих знакомых о тех осложнениях, которые неизбежно возникнут, если он и впредь будет упорствовать в своих притязаниях.

Все было бы в порядке, если бы он пользовался титулом лишь в общении с теми, кто знал ему настоящую цену, но оказалось, что и в официальной переписке он любил подписываться “Искренне Ваш, Корво” или даже “Фредерик, барон Корво”. Знавшие его люди указывали на неосмотрительность (если не сказать больше) такого поведения».

До этого момента враждебно-критическую статью отличала сдержанность, пусть и приправленная скрытой угрозой. Теперь же автор раскрыл все карты. Несомненно, он был в курсе всех дел, поскольку обращается к случаю, произошедшему в Крайстчерч, и рассказывает во всех подробностях, как «барон» пытался купить собственность Глисона Уайта и как «серьезно к нему относились при обсуждении условий – некоторое время». Он также приводит текст адресованного Рольфу колкого и язвительно-саркастического письма миссис Уайт, которое заканчивается так:

«Что касается настойчивых утверждений, будто Вы в состоянии купить нашу собственность, мне остается лишь надеяться, что Вы сами оказались жертвой самообмана. Ничто иное не может оправдать те непомерные и излишние переживания, которым Вы подвергли нас обоих. Правда ли, что в субботу Вы уезжаете? До меня дошли невероятные

слухи о том, что все Ваше имущество пойдет с молотка, а Вы сами отправитесь в рабочий дом. Надеюсь, при сложившихся обстоятельствах Ваш старый друг мистер Т. и Ваш священник придут на помощь. Кстати, как насчет тех 100 фунтов, которые, как Вы без конца твердили, по-прежнему лежат в одном из лондонских банков на счету, открытом на Ваше настоящее имя – Рольф, к которому я бы Вам посоветовала вернуться, ибо, как я сейчас понимаю, один лишь факт присвоения Вами себе нового, да еще и иностранного титула, с самого начала вызывал у всех подозрения как здесь, так и в других местах.... Искренне сожалея, что Вы сами отняли у нас возможность помогать Вам в будущем, остаюсь т.д. и т.д.”

«Это письмо [продолжает автор статьи] приоткрывает истинную сущность барона. Здесь можно прибавить только одно: согласно тому, что Его Сиятельство по разным поводам не раз лично говорил своим знакомым, титул барона Корво – «это мое итальянское приобретение».

Показав таким образом (надо признать, довольно-таки искусно) настоящую цену титулу «Его Сиятельства», неизвестный журналист задает риторический вопрос «Что же в таком случае представляет собой барон Корво *на самом деле?*», на который сам далее и отвечает:

«Этот джентльмен зовется Фредериком Уильямом Рольфом, и о его жизни до появления в Абердине можно поведать читателям буквально в нескольких словах. В 1886 г., будучи помощником учителя в школе “Грэнтхэм”, он принял католичество и был вынужден оставить эту работу. После этого, по его собственному выражению, то «голодал в Лондоне», то изредка подрабатывал частными уроками.

Когда маркиза Бьютская основала в г. Обан школу для беспризорных мальчишек, она взяла Рольфа классным наставником. Там

же преподавали два священника, и поскольку отношения между ними и Рольфом не сложились, через месяц – другой его опять уволили.

Спустя какое-то время он решил сам сделаться священником. После того как его делом был вынужден заняться епископ Шрусберийский, в 1887 г. Рольф поступил в качестве духовного ученика этого прелата в католический колледж “Оскотт”, но не прошло и нескольких месяцев, как его исключили.

Барон опять сколько-то «поголодал в Лондоне», а затем случайно познакомился с мистером Оджилви-Форбзом из города Бойндли в графстве Абердиншир и три или четыре месяца прожил там. Затем он опять поработал учителем, а потом покойный архиепископ Эдинбургский, Смит, хорошо известный тем, что в подобных случаях всегда проявлял мягкосердечие, под влиянием душевного порыва взял его под опеку и отправил в колледж “Скотс” в Риме, чтобы он там подготовился к принятию сана. Спустя пять месяцев его отчислили – из-за отсутствия Призвания... и потому, что – как утверждает источник, с которым барон вряд ли стал спорить, – он там, мягко говоря, всем порядком надоел. Даже там он умудрился наделать огромных долгов, которые, по его словам, согласился оплатить лорд Арчибалд Дуглас, о чем, впрочем, сам лорд и слышать не желал.

Впрочем, Рольфа всегда отличали изысканные манеры, к тому же он обладал рядом талантов: слегка музицировал, немного умел рисовать и для любителя отлично разбирался в фотографии. Учась в колледже “Скотс”, он сумел весьма понравиться пожилой англичанке, носившей итальянский титул и являвшейся приверженкой католической церкви. Герцогиня Каролина Сфорца, давала ему значительные суммы денег и содержала его некоторое время после исключения из колледжа. Однако и ее хорошему отношению к мистеру Рольфу, как это уже не раз с ним бывало, пришел конец. Ближе к декабрю 1890 г. он вернулся в Англию. Утверждая, что герцогиня обещала на протяжении двух лет помогать ему

деньгами в размере 150 - 300 фунтов в год (он все время называл разные суммы), чтобы он имел возможность продолжать обучение изобразительному искусству, Рольф отправился в Крайстчерч».

Далее следует подробное описание случая с Глисоном Уайтом и заключение, дополняющее воспоминания мистера Джексона.

«Однако герцогиня отказалась выполнять свои обещания по выплате Рольфу денежного содержания, несмотря на то, что на протяжении нескольких лет тот продолжал слать ей письма, умоляя о помощи. Дошло до того, что она или вовсе не отвечала на письма, или ограничивалась посланиями, в которых перед его именем отсутствовало обращение “мистер”, а после него – слово “эсквайр”, не говоря уже об аристократическом титуле “барон”, которым он вскоре стал пользоваться постоянно. Можно лишь заметить между прочим, что имя, которое барон себе выбрал, означает следующее: по-латыни – *corvus*; по-итальянски – *corvo*; по-французски – *corbeau*; по-шотландски – *corbie*; по-английски – *crow* - ворона^{8*}».

Похоже, что даже этот хорошо осведомленный критик ничего не знал о происхождении Рольфа. Его история показалась мне чрезвычайно интересной, тем более, что по мере продолжения поисков я выяснил, что для мистера Лесли эта полная враждебных нападок статья во многом послужила достоверным источником при повествовании о ранних годах жизни Корво.

«А теперь перейдем к событиям 1892 года, когда сей джентльмен только-только поселился в Абердине, тем самым оказав этому северному

^{8*}Насмешка бьет мимо цели; *corvus* – это ворон, а не ворона, и в качестве герба барон Корво выбрал именно ворона.

городу великую честь. После того как все имущество Рольфа пошло с молотка в городке Крайстчерч, он опять несколько месяцев “голодал” – иначе говоря, его из милосердия содержали священники католической церкви Или-Плейс в Лондоне. Однако где-то в середине года поиски покровителя, которые он вел среди хорошо обеспеченных католических семей, увенчались успехом, и он получил должность домашнего учителя при молодом наследнике поместья Ситон в Абердине. И какое-то время он жил припеваючи, приезжал в город на автомобиле, располагал средствами, чтобы приглашать друзей к обеду и так далее – в общем, делал все, что приличествует человеку с аристократическими замашками. При этом надо отметить, что одно время он даже следовал разумному совету миссис Уайт и пользовался лишь своим настоящим именем - Фредерик Уильям Рольф... Впрочем, ему пришлось убраться и оттуда, и можно рассказать прелюбопытную историю, которая покажет, как к нему относились после отъезда.

Оказывается, спустя несколько месяцев он проник в имение. Никто не видел, как он пришел, но когда уходил через другие ворота, то обнаружил, что они закрыты. “Откройте”, - крикнул он пожилой привратнице, сидевшей в сторожке. Та выглянула, чтобы посмотреть, кто это, а когда услышала ответ, сухо заметила: “Ну что ж, полагаю, я могу Вас выпустить, хотя имею указания не впускать Вас”.

Мистер Рольф искал человека, который бы выручил его из беды, и нашел такого в лице преподобного отца Джерри, священника католической церкви в городе Стрихен (ныне – г. Дафтаун). Он прожил у него несколько недель, и отцу Джерри - также как и многим другим – было чрезвычайно сложно избавиться от гостя, поскольку в день своего отъезда Рольф обычно заболел и был не способен передвигаться.

Где-то в начале ноября 1892 г. мистер Рольф обратился в фотографическую фирму “Дж. У. Уилсон и Ко.” с просьбой принять его на работу. При этом его, как он говорил, деньги не интересовали его ни

капельки; он лишь стремился получить возможность улучшать и совершенствовать свои навыки в искусстве фотографии. Ему сказали, что стажеров не принимают, но он настаивал, и, в конце концов, когда ему сообщили, что освободилось место посыльного, которое он при желании может занять, при условии, что он так же, как и все будет подчиняться правилам, Рольф согласился.

Целых три месяца он работал в этой фирме за 12 шиллингов 6 пенсов в неделю, но на самом деле просто слонялся без дела, приходил и уходил, когда вздумается, делал в основном, что хотел, рассказывал другим сотрудникам несусветные байки о том, что у его отца имеется собственность в Англии и за границей, поскольку к тому времени он опять стал именовать себя бароном...

Наконец, фирма устала от Его Сиятельства, и ему было указано на дверь. Но и на этот раз отделаться от него оказалось не так-то просто. После того как ему сказали больше не приходить, он все равно возвращался и, как ни в чем не бывало, с улыбкой приступал к работе. Тогда сочли разумным послать на снимаемую им квартиру (за которую он также не платил месяцами) официальное сообщение о том, что больше так продолжаться не может и он должен уйти. Он тут же отправил в фирму ответное письмо, и вот отрывок из него:

«Уважаемый сэр, произошло прелюбопытное совпадение: но как раз в тот момент, когда пришло письмо от Вас, я собирался осуществить одно намерение, которое обдумывал в последнее время, а именно спросить Вас, нельзя ли вложить в Вашу фирму небольшую сумму, – скажем, тысячу фунтов – и получить подходящую мне постоянную должность, соответствующую моим способностям. Возможно, сейчас это уже неуместно, но все же я счел необходимым сказать об этом».

И даже после этого он являлся туда, так что в конечном итоге пришлось даже пригрозить ему, что если он не уйдет сам, то его вышвырнет полиция. Тогда мистер Рольф решил предъявить компании

иск. Он отправился в одну из ведущих юридических фирм Абердина и поручил им направить в адрес компании “Дж. У. Уилсон” официальное заявление с требованием выплатить примерно 300 фунтов за то, что, по его словам, та произвела удержание некоторого принадлежавшего ему, Рольфу, имущества, и нарушила контракт.

Одного письма от руководства компании “Дж. У. Уилсон” было достаточно, чтобы адвокаты поняли, с кем связались, и перестали им заниматься. Мистер Рольф пытался убедить другого адвоката взяться за это дело, как он выразился, «наудачу», но это ему не удалось, и дело так и закончилось ничем».

Выражение «закончилось ничем» весьма часто использовалось анонимным автором ядовитой статьи о Рольфе; на самом деле там так много характерных оборотов, что жертве наверняка не составило труда догадаться, кто ее враг.

«Барон в основном занимался тем, что он называл, “обиванием порогов”: у всех состоятельных католиков, начиная с герцога Норфолкского и далее по нисходящей по лестнице, он кланчил деньги для воплощения в жизнь разработанных им проектов цветной фотографии, подводной фотосъемки, проекта нового освещения для моментальной фотографии и т. п. Впрочем, его внимания удостоивались не только католики... Он не стеснялся пытаться счастья даже в самых высоких сферах, что подтверждает следующее послание:

«Барон Корво свидетельствует свое почтение сэру Генри Понсонби⁹¹ и желал бы направить Ее Королевскому Величеству в качестве рождественского подарка небольшую картину “Рождество Христово”. Это его собственноручное творение, и оно довольно

⁹¹ Понсонби, сэр Генри Фредерик (1825-95), английский генерал и личный секретарь королевы Виктории.

уникально, ибо представляет собой фотографию живой модели, сделанную при вспышке магния. Барон был бы чрезвычайно признателен сэру Генри Понсонби за указания относительно того, какие правила этикета надлежит соблюдать в подобных случаях».

Но все же с письменными прошениями Корво обращался в основном к католикам. Одним из тех, кого Корво жаловал своим неусыпным вниманием, был ныне покойный епископ Абердина Хью Макдоналд. Как-то раз, выражая благодарность за одолженный добросердечным прелатом фунт, Рольф написал ему: «Ваше преосвященство г-н епископ. К сожалению, я заблуждался насчет средств, находящихся в Вашем распоряжении. Мне сообщили..., что согласно некоему завещанию священнослужителям католического собора была передана сумма в размере 4 600 фунтов «для оказания помощи неимущим католикам». Я приношу вновь свои извинения за то, что побеспокоил Вашу светлость, подняв вопрос, о котором я имел неверные сведения». Послание епископа было довольно едким и не без нотки церковного юмора: «Глубокоуважаемый мистер Рольф! Как я уведомил Вас в субботу, в моем распоряжении нет средств для оказания помощи неимущим католикам. В последнее время нам никто не оставлял таких сумм, так что Вас, должно быть, ввели в заблуждение. Уповаю, что Господь поможет Вам преодолеть трудности, ибо в подводную фотосъемку я не верю. Хью, священник ордена редемптористов, епископ Абердина».

О дальнейших выходках барона Корво мы расскажем позднее, писал автор.

И надо сказать, что он не стал откладывать дело в долгий ящик. Одной статьи оказалось явно недостаточно, дабы утолить злобу первого биографа Рольфа. Уже в следующем номере газеты «Абердин Фри

Пресс» он вновь выступил с язвительной статьей, заявив в уже знакомой мне манере, что «было бы полезно» подробнее рассказать о пребывании барона в Абердине.

Не имеет смысла перечислять все описанные им способы, посредством которых Рольф пытался удержаться на плаву. Буквально всех он осаждал просьбами о предоставлении средств для воплощения в жизнь его изобретений, никаких сведений о коих не сохранилось. Об одном из них, наверное, можно получить некое представление из процитированного выше письма сэру Генри Понсонби, а о другом узнать из послания к мистеру У. Астору, в котором Рольф заявляет, что он якобы «изобрел переносной источник освещения, который позволит обходиться без солнечного света». Он имеет в виду съемку при вспышке магния, что в то время (начало девяностых) было еще в диковинку. Милосердие, да и благоразумие заставляют предположить, что Рольф, который даже по признанию абердинского критика, был «искусным» фотографом, действительно каким-то образом нашел пути улучшения и усовершенствования применяемых тогда методов фотосъемки. Похоже, даже некоторые другие сделанные им так называемые изобретения могли претендовать на патент, по крайней мере, на первый взгляд.

Они произвели столь сильное впечатление на капитана третьего ранга Литтлдейла, который в то время был командиром корабля Королевских военно-морских сил «Клайд», что тот взялся представить некоторые подводные проекты Рольфа Объединенному военно-научному обществу. Но даже этот скромный успех заставил абердинского критика выпустить жало, ибо, конечно же, Рольф тотчас сообщил новость друзьям, подчеркнув при этом, что ему необходимы средства “на проведение опытов в присутствии экспертов”, что, как он выразился, “обойдется мне в два, а то и три состояния”. Но и эта затея тоже окончилась ничем».

Еще раз ему крупно повезло, когда он обратился к лорду Чарльзу Бересфорду, тот принял его, однако

«Рольф тут же разослал уйму писем: одно епископу Шрусберийскому, другое – епископу Абердина, другие – герцогу Норфолкскому, мистеру У. Т. Стиду, мистеру Глисону Уайту и т.д. и т.д., уведомив их, что лорд Чарльз Бересфорд проявил интерес к его изобретению, и намекнув, мол, не хотели бы многоуважаемые лорды и джентльмены вложить в этот проект деньги. Но ни один из них не откликнулся.

Потерпел барон неудачу и когда предложил двум изданиям – «Иллюстрейтед Лондон Ньюз» и журналу «График» - направить его в г. Триполи для съемки затонувшего корабля Королевских военно-морских сил «Виктория». Здесь ему тоже не повезло».

Я уже говорил, что не намерен воспроизводить все нападки абердинского критика в адрес Рольфа. Он скрупулезно заносил в анналы все мелкие провинности человека, ставшего для него главным объектом для изучения, и в его изложении те поступки Рольфа, которые выглядели бы весьма заурядными, будь они совершены обычными людьми, приобретали зловещий оттенок. Впрочем, некоторые факты, надо признать, серьезно его компрометируют. К примеру, однажды, сделав какие-то покупки, барон попытался расплатиться чеком на сумму в пять фунтов, с которой ему причиталась сдача наличными. Но выяснилось, что чек был «мягко говоря, далеко не безупречен».

С другой стороны, его попытки продать написанные «в средневековом стиле» картины плохо разбиравшимся в живописи жителям Абердина были поистине трогательны в своей тщетности. Видя, что обращенная ко всем состоятельным католикам Абердина мольба проявить интерес к его произведениям не находит отклика, он решил

подарить их мэру города, сопроводив подношение простым и вместе с тем ироничным письмом: «Осмелюсь предположить, милорд, что эти картины станут подходящим подарком по случаю королевской свадьбы, в особенности учитывая тот факт, что они написаны художником, поселившимся в Абердине, поскольку этот город как никакой другой подходит для его работы». Но и в этом случае он потерпел неудачу.

Но даже самые неприятные события, омрачавшие пребывание Рольфа в Шотландии, были не лишены некоей комичности. Еще одна цитата:

«С октября 1892 по начало августа 1893 г. барон продолжал снимать жилье у некоего семейства на Скин Стрит. Глава семьи держал лавку, где трудился не покладая рук, а кроме того, вместе со своей женой приобрел просторный дом, намереваясь открыть там пансион для жильцов высшего разряда. И в этом отношении хозяева возлагали на мистера Рольфа самые большие надежды. Когда же, в конце концов, они избавились от него – весьма драматическим образом – оказалось, что он задолжал им тридцать семь фунтов, два шиллинга и девять с половиной пенсов... В какой-то момент хозяева дома осознали, что лелеемая ими надежда одним махом получить с барона всю сумму за питание и проживание совершенно бесплодна. При этом он доставлял им массу хлопот. Барон был вегетарианцем, обожал вкусно поесть в пределах своей диеты и, выбирая рецепты из поваренной книги, составлял меню на каждый день....

Впрочем, как уже было сказано, владельцы пансиона решили избавиться от своего постояльца. Когда до барона дошло, что его буквально собираются вышвырнуть вон, он перестал выходить из дома, а потом и вовсе отказался вставать с постели, чтобы, часом, не оказаться за дверью. Однажды вечером, где-то часов в шесть, хозяин в сопровождении своего приятеля, которого упросил помочь ему, вошли в

спальню барона и заявили, что у него есть десять минут на то, чтобы одеться и убраться вон. Барон и ухом не повел, а когда отведенные ему десять минут истекли, ухватился за железную спинку кровати и держался изо всех сил. Когда его в одной пижаме выволокли на лестницу, он стал цепляться за перила, из-за чего последовала схватка. Оттуда его протащили по длинной лестнице и выкинули на тротуар, где он стоял, вызывая немалое изумление у прохожих. Вдогонку ему швырнули одежду, в которую он в конечном счете облачился – и больше барона в тех местах не видели».

Бедный Рольф! Его хулигатель называет этот случай «оригинальным происшествием», но, без сомнения, для самого пострадавшего, оно было скорее унижительным, чем «оригинальным». После выселения из пансиона он отправился к епископу, который распорядился, чтобы его накормили ужином и предоставили крышу над головой. Спустя два месяца, пребывая, судя по всему, в глубоком отчаянии, несчастный изгнанный попросил врача Королевской больницы дать ему справку, что он душевнобольной, потому что, лишь находясь на лечении в психиатрической лечебнице, ему не надо было бы платить за жилье.

Еще он выпрашивал дать ему рекомендательные письма, чтобы попытаться получить должность библиотекаря в Университете Абердина, но и здесь его ждала неудача. Затем (как гласит беспощадная хроника его страданий) его подобрала «Ассоциация по исправлению положения бедных Абердине». Несостоявшемуся фотографу выдали химические реактивы для проведения опытов и даже какие-то деньги. Общий размер денежного пособия, которое он получил со второго сентября по 16 ноября 1893 г., составил 5 фунтов и 19 шиллингов. Эту сумму, которую пришлось растянуть на более чем два с половиной месяца, вряд ли можно назвать чрезмерной, особенно если потом выясняется (как в данном случае), что 11 сентября ему дали полкроны, а 26 – еще шесть

пенсов. Эти унижения – не слишком ли большая расплата за благотворительность? И даже несмотря на это, Рольфа посчитали «неисправимым», и «Ассоциация отказалась помогать ему в дальнейшем». Неужели он еще не испил до дна всей чаши? «В дом мистера Чампьюна, - продолжает злой ангел-хроникер барон попал одним субботним вечером, когда даже Ассоциация помощи бедным отеклась от него. Когда он явился – одетый в костюм для гольфа и с видом в общем-то вполне респектабельным, - мистер Чампьюн (известный в те времена лидеру Лейбористской партии) обедал со своим приятелем. Гостя провели в столовую, но увидев, что политик не один, он попятился назад и жестом попросил мистера Чампьюна выйти. Тот последовал за ним, и тут ему поведали печальную повесть о невероятных страданиях. Мистер Чампьюн не мог взять в толк, что ему делать с посетителем, но, последовав совету приятеля, для начала угостил барона сытным ужином».

(Неизвестный автор прокомментировал этот вполне естественный поступок в свойственной ему манере: «Это само по себе было бесценным подарком». Еще бы, для голодного-то человека!) Завязав знакомство столь необычным образом, Рольф некоторое время работал секретарем мистера Чампьюна, и тот не раз выручал его как в Лондоне, так и в негостеприимном Абердине, пока в феврале 1894 г. не уехал в Австралию.

Примерно на этом месте заканчивается эта необычная статья о еще более необычном человеке, хотя, конечно, в дополнение к ее началу стоит привести и окончание:

«Нас не очень интересует, как сложилась судьба Рольфа в Лондоне (после отъезда мистера Чампьюна). Достаточно сказать лишь, что вскоре он опять стал “голодать” по своему обыкновению, но иногда не без

помощи добрых людей знавал и лучшие времена. При этом можно отметить, что по крайней мере один раз, летом прошлого года (1897) он вновь появился в Абердине [отважный Рольф!] в обществе некоего джентльмена, который, по-видимому, намеревался приобрести там какую-то недвижимость.

Мы на некоторое время расстаемся с бароном Корво. Как уже упоминалось, имеются и другие сведения, касающиеся поведения этой особы, которые могли бы взбудоражить общественность на несколько недель. Но, как представляется, рассказанного вполне достаточно, чтобы убедить мистера Рольфа послушаться разумных советов лучших друзей (к которым автора статьи, конечно же, отнести никак нельзя), прекратить пользоваться иностранным титулом и заняться каким-нибудь полезным делом.

А поместивший рассказ о бароне журнал «Уайд Уорлд Мэгэзин», который с самого первого номера заявляет, что на его страницы допускаются лишь достоверные материалы, может увидеть в истории барона новое и весьма неожиданное прочтение девиза, который все еще красуется на первой полосе – “Правда удивительнее вымысла”».

4

Осторожный брат

Прочитав эту чрезвычайно любопытную статью (из которой я перенес на эти страницы чуть более половины), я вышел пройтись, чтобы обдумать новые факты и черты характера моего героя, которые она мне открыла. Рассказ мистера Джексона о случившейся в Крайстчерч истории подтверждал один факт, который я мог проверить, но меня никак не покидало чувство, что этой враждебной статьей о зловключениях Рольфа автор расквитался с ним по старым долгам. И все же я осознавал, что бессмысленно предпринимать попытки оценить

значимость враждебной статьи, не раскопав дополнительных сведений. Но статья эта оказалась мне полезной по крайней мере в одном отношении: она снабдила меня датами и фактами, охватившими период с 1886 по 1898 гг.

Двенадцать лет... За эти годы Рольф из чудаковатого, пускай и оригинального живописца превратился в писателя необыкновенного дарования – удивительного по глубине и силе. Каким образом? Вот в чем заключалась подлинная и непостижимая загадка. Я никак не мог забыть, что этот негодяй, которого так безжалостно вывели на чистую воду, написал «Адриана Седьмого». Оставаясь я в неведении относительно данного обстоятельства, я, наверняка, прочитал бы эту полную нападок статью так, как обычно читают подобные сочинения газетчиков, и рассказ о странноватом самозванце вызвал бы у меня лишь мимолетную улыбку. Но автор «Адриана Седьмого» не мог быть обыкновенным мошенником, надувающим домовладельцев. Похоже, не было сомнений в том, что и до переезда в Венецию, в жизни Рольфа случались и другие безысходные ситуации, но он их пережил. Оборванец, бродивший по улицам Абердина, стал одним из тех, кто прославил английскую литературу. Безусловно, поиски следует продолжить. Я считал часы до встречи с мистером Гербертом Рольфом.

Нужно ли говорить, что в контору мистера Рольфа в Темплъ я пришел без опоздания? Адвокат оказался тучным и большим человеком, и, судя по всему, был способен проявлять дружелюбие, когда ему не напоминали (как я, например) о неприятных событиях, которые, – и это было мне совершенно ясно – он предпочел бы предать забвению. И насколько было понятно из его письма, он “не имел ничего против”, но и насколько не горел желанием снабдить меня сведениями. Что я хотел узнать?

Не требовалось особой проницательности, чтобы увидеть, что мистер Рольф колебался и не знал, что мне рассказывать, а что – нет, и

вскоре мне открылась причина его сомнений. Он был взбешен тоном статьи мистера Лесли и «неточностями» в изложении, а особенно, утверждением, что останки его брата были захоронены в общей могиле. Мистер Рольф рассказал мне, что в тот день, когда газета «Таймс» напечатала сообщение о смерти его брата, он лично отправился в Венецию, и, заплатив обычный сбор, проследил, чтобы похороны были проведены по христианскому обряду. Однако в то время муниципалитет отказался предоставить участок для могилы в вечное пользование, поэтому он был вынужден арендовать ее на десять лет. Когда этот срок истек, после долгих переговоров он приобрел постоянное место захоронения на кладбище острова Сан-Микель.

Итак, ситуация была довольно щекотливой. Я ужасно боялся оскорбить того, кто больше других мог мне помочь, но поскольку безапелляционные утверждения и злые намеки анонимного автора из Абердина все еще были свежи в моей памяти, я опасался, как бы не сделать этого каким-нибудь неосторожным замечанием. Однако я задавал вопросы со всем тактом, на который был способен, и мистер Рольф выслушал их с неослабевающим терпением. Суммирую его ответы.

Фредерик Уильям Рольф, старший из пяти братьев, родился 22 июля 1860 г. в доме 61 на улице Чипсайд. С восемнадцатого века семья Рольфов владела фабрикой по производству роялей, но несмотря на то, что они числились среди родоначальников этого ремесла, примерно с 1850 г. они стали сдавать позиции. Фредерик с детства был способным, но взбалмошным мальчиком. Его отправили в хорошую школу в г. Камден (как сообщил мистер Рольф, она уже давно не существует,) и он неплохо учился – когда хотел. Рисование и развлечения привлекали его куда сильнее, чем занятия латынью, хотя он хорошо владел классическими языками, и показал себя способным учеником.

В пятнадцать лет вопреки желанию отца, Фредерик бросил школу. Мне не удалось узнать, была ли какая-нибудь иная причина, помимо «непокорности и недовольства», побудившая его оставить учебу. Некоторое время он слонялся без дела, потом был свободным студентом в Оксфорде, а затем (как я уже знал) стал сначала учителем, затем - католиком, а после учился на священника. С каждым его шагом огорчение и неодобрение семьи росло, и постепенно между блудным сыном и его родственниками образовалась огромная пропасть. Мистер Рольф, отец, убежденный протестант, не знал, радоваться или огорчаться тому, что его старшему сыну не удалось стать священником католической церкви. Затем, по мере того, как Фр. (что обозначало Фредерик, а не Отец)¹⁰¹ Рольф испытывал все больше и больше трудностей, пытаясь заработать себе на хлеб, его письма становились короче и приходили реже. Хотя он никогда не порывал связь со своим семейством, все же, поскольку они следили за его успехами издалека, то не смогли бы снабдить меня никакими подробностями. Что касалось случая в Крайстчерч, мистер Рольф не пожелал выразить свое мнение об этом, хотя и удивился, услышав утверждение о том, что его брату принадлежало некое недвижимое имущество, будь то заложенное или какое угодно другое. Он также не смог сообщить мне ничего нового о герцогине. Он считал титул барона дурной шуткой. Но о той критической статье в «Абердин пресс», которая была перепечатана другими газетами, мистер Рольф говорил с плохо скрываемым презрением. Статья увидела свет, когда его брат, пытавшийся порвать с прошлым, решил стать писателем, и влияние статьи не только на общественное мнение, но и на самого Фредерика Рольфа было чудовищным. Как следствие, на несколько лет Фр. Рольф вообще исчез из виду, будучи глубоко убежден, что все, с кем его сводит жизнь,

¹⁰¹ В английском языке слова Фредерик и святой отец имеют одинаковое сокращение—Фр. (Fr.)

знакомы с обвинениями, содержащимися в статье, и верят им. Ему так и не удалось полностью оправиться от этого удара. И если мне хочется в этом убедиться, то мне достаточно взглянуть на беседу Папы Римского с кардиналами в конце «Адриана».

Я спросил, приводились ли в той статье какие-нибудь сведения, противоречащие действительности. Мистер Рольф полагал, что таковых не было; хотя описанные там поступки, в которых не было ничего постыдного, были представлены таким образом, что о совершившем их человеке складывалось крайне превратное впечатление. Мистер Рольф полагал, что лучшим ответом на мой вопрос будет рекомендательное письмо, полученное его братом от доктора И. Г. Харди, который сначала был директором школы «Грэнтхэм», в которой работал Рольф, а затем стал проректором Колледжа Иисуса в Оксфорде. Я приготовился слушать.

Библиография

1. Англо-русский военный словарь под общей редакцией Судзиловского Г.А., Военное издательство министерства обороны СССР, М. 1968
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука», 1988.
3. Ахманова, О.С. «Словарь лингвистических терминов», изд. 2-ое, стереотипное, М. 1969г.
4. Бондарко А.В. Функциональная грамматика, - Л.: Наука, 1984.
5. Бытева, Т.И. «Феномен перифразы в русском литературном языке: проблема семантики и лексикографии» Дис. Д-ра филол. наук. Красноярск.
6. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. М.: Наука, 1975.
7. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Изд-во «Наука», 1981.
8. Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикографии французского и русского языков) М., «ИМО», 1966
9. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника. М.: Высш. Шк., 1976.
10. Горделий З.П. Модальная структура текста эссе (на материале английской литературной критики XVII – XX вв) М. 1991 г.
11. Донскова О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте: М., 1982.
12. Кожина М.Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1987.
13. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М., «Пособия по переводу с английского языка на русский», изд-во «Высшая школа», М. 1973

14. Лингвистический энциклопедический словарь, - М.: Сов.энциклопедия, 1990.
15. Максимова М.В. Стилистические параметры текстовой модальности, 1993г.
16. Маркелова, Т.В., Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Дис. Д-ра филол. наук., 1996.
17. Новый большой англо-русский словарь под общим руководством доктора филологических наук, профессора Э.М. Медниковой и академика Ю.Д. Апресяна, М. «Русский язык», 1993
18. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения М.: Наука, 1977.
19. Попова, Е.А., Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста». Дис. канд. Филол. наук. Липецк, 1996.
20. Рецкер Я.И. Тетради переводчика под редакцией док. фил наук Л.С. Бархударова «Международные отношения», М. 1966
21. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи. М.: Астрис Рольф, 1996.
22. Салихова Н.К., Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии, М. – 1976 г.
23. Симфония к синодальному изданию Библии. Издание первое, пробное. Свет на Востоке. Институт перевода Библии, Стокгольм, 1995
24. Турсунова, Л.А., Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке английской художественной литературы XX века, канд дисс, М. – 1973.
25. Швейцер А.Д. Терия Перевода. Статус. Проблемы. Аспекты М. «Наука», 1988
26. Concordance to the Master Study Bible, New American Standard. The Lockman Foundation 1975
27. R. Fowler, The Reference Code and Narrative Authority/ Language and Style. N 3 V.X. Sum – I. Queen's College Press, 1977